

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Филология»

Образовательная программа «Русская литература»

Ма Сяолин

«ВОСТОЧНЫЕ» ГЛАВЫ В ОЧЕРКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ «ФРЕГАТ

"ПАЛЛАДА"» И. А. ГОНЧАРОВА

Выпускная квалификационная работа

Магистра филологии

Научный руководитель: к. ф. н., ст. преп. Пономарева Марина Валерьевна

Рецензент: к. ф. н., науч. сотр. ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН Веселова

Александра Юрьевна

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Словесные портреты и характеристики японцев и китайцев	19
§1. Представители Японии глазами Гончарова.....	19
§2. Образы китайцев	37
§3. Сопоставление образов японцев и китайцев.....	48
Глава 2. Место «восточных» глав в очерках «Фрегат "Паллада"»	52
§1. Мир Японии.....	52
§2. Мир Китая.....	62
§3. Сопоставление японских и китайских глав.....	68
Заключение	71
Список использованной и цитируемой литературы	74

Введение

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) — один из самых выдающихся и талантливых русских классиков XIX века, автор трилогии романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», литературный критик. Более того, Гончаров — первый русский писатель XIX века, совершивший кругосветное путешествие в период 1852–1855 гг. и побывавший в Японии и Китае. Диссертационная работа посвящена очеркам путешествия Гончарова «Фрегат "Паллада"», которые тесно связываются с романной трилогией писателя и являются еще одним достижением писателя. В очерках «Фрегат "Паллада"» изображены человек и жизнь народа разных стран, обсужден ряд важных, актуальных и сейчас проблем, выявлено мастерство писателя в литературе.

Прежде чем приступить к анализу очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"», необходимо познакомиться с традицией жанра «путешествий», которая пришла из Европы во второй половине XVIII века. Формирование жанра «путешествий» в русской литературе связано с «Письмами из Франции», Д. И. Фонвизина, написанными во время его первого путешествия во Францию в период с 1777 по 1778 года, а также с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790).

Утверждение этого жанра в большой мере связано с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина (1790–1801), повлиявшими на творчество Гончарова. В начале XIX века вслед за карамзинскими «Письмами русского путешественника» появляется ряд «путешествий»¹. Для указанного периода (конец XVIII — начало XIX века) характерно «сентиментальное путешествие». Вслед за «сентиментальным» набирает силу «романтическое

¹ «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» П. Сумарокова (1800), «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (1802), «Письма из Лондона» П. И. Макарова (1803), «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию» М. Е. Невзорова (1803) «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова (1803 и 1804) и др.

путешествие», традиция которого связана с произведениями А. А. Марлинского (например, «Поездка в Ревель» (1821)). «Путешествием в Арзрум» А. С. Пушкина (во время похода 1829 года), которое оказывает влияние на «Фрегат "Паллада"» Гончарова и другие «путешествия» разных авторов.

Для 1830 — 1840-е годов характерны путевые заметки полу-беллетристического направления². В 1840 — 1850-е годы границы между литературным «путешествием» и научным «путешествием» становятся менее четкими, наблюдается влияние документальных жанров «путешествий» и формирование новой жанровой поэтики литературных «путешествий» (реалистическое «путешествие»)³.

Т. А. Роболи делит «литературное путешествие» на два типа: Стерновский (представитель: «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна) и тип Дюпати (представитель: «Письма из Италии» (1788)). По словам Т. А. Роболи: «Оба типа строятся как бы на двух параллелях: 1) реальное путешествие, с относящимся к нему вводным материалом повестушек и проч. и 2) путешествие воображения (воспоминания, рассуждения и т. д.)»⁴. По мнению Роболи, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина являются ярким образцом «литературного путешествия».

Жанр «путешествий» вызвал у исследователей большой интерес, и особое

² «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча (1839), «Год в чужих краях» М. П. Погодина (1839) и др.

³ В этот период появлялись многочисленные «путешествия»: «Четыре месяца в Черногории» (1841), «Странствователь по суше и морям» (1843–1845), «Путешествие во внутреннюю Африку» (1849), «Путешествие в Китай» (1853) Е. П. Ковалевского, «Письма из-за границы» П. В. Анненкова (1843), «Прогулки русского в Помпеи» А. И. Левшина (1843), «Письма русского из Персии» Н. М. Масальского (1844), «Путешествие в Черногорию» А. Н. Попова (1847), «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена (1847–1852), «Путешествие по Нижней Египту» А. Рафаловича (1850), «Италия. Письма из Венеции, Рима и Неополя» В. Д. Яковлева (1855), «Письма об Испании» В. Боткина (1857) и др.

⁴ *Роболи Т. А.* Литература «путешествий» // Русская проза / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л., 1926. С. 48.

внимание было уделено «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествию в Арзрум» А. С. Пушкина.

Гончаров определил «Фрегат "Паллада"» как «очерки путешествия». Жанровое своеобразие «Фрегата "Паллада"» вызывает многие до сих пор не разрешенные вопросы. Существует множество научных работ, посвященных этой проблеме, однако исследователи представляют разные точки зрения на этот вопрос.

Часть литературоведов приняли авторское определение. Е. А. Краснощекова⁵, М. В. Отрадин⁶, О. В. Юркина⁷, А. Ю. Сорочан⁸ рассмотрели очерки «Фрегат "Паллада"» как «литературное путешествие». По мысли В. Г. Пузырева, жанр «Фрегата "Паллада"» — это «жанр беллетризованного путевого дневника»⁹. А. Г. Цейтлин полагал, что «Фрегат "Паллада"» Гончарова не выходил из жанровых рамок путевых очерков¹⁰. Однако по мнению Т. И. Орнатской, «Фрегат "Паллада"» преимущественно противопоставляется жанру «путешествий» и осуществляет «жанровую революцию», одерживая победу над канонами жанра¹¹. В. А. Недзвецкий

⁵ См.: *Краснощекова Е. А.* «Фрегат "Паллада"»: «путешествие» как жанр: (Н. М. Карамзин и И. А. Гончарова) // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 12–31.

⁶ См.: *Частица славы Российского флота и истории литературы* [С профессором кафедры русской истории Санкт-Петербургского государственного университета М. В. Отрадиным беседовал А. Боев] // Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 11 (3836), 22 сентября. С. 39–43.

⁷ См.: *Юркина О. В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя (очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

⁸ См.: *Сорочан А. Ю.* Гончаров и литература путешествий // *Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов* / сост. И. В. Смирнова, А. В. Лобкарева, Е. Б. Клевогина, И. О. Маршалова. Ульяновск, 2012. С. 204–212.

⁹ *Пузырев В. Г.* Жанр очерков «Фрегат "Паллада"» и их роль в развитии дальневосточной проблематики // *Проблемы жанрового многообразия русской литературы XIX века: Сборник статей* / Рязанский государственный педагогический институт; отв. ред. И. П. Щерблякин. Рязань, 1976. С. 80.

¹⁰ См.: *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

¹¹ См.: *Орнатская Т. И.* История создания «Фрегата "Паллада"» // *И. А. Гончаров Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах.* / изд. подгот. Т. И. Орнатская; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л., 1986. С. 763–787.

проанализировал очерки как «географический роман»¹². В. А. Михельсон утвердил, что «Фрегат "Паллада"» «является одной из эпопей нового времени»¹³ — эпопеей о судьбах человеческих народов. А. Дановский также рассмотрел «Фрегат "Паллада"» как очерковую эпопею путешествия¹⁴.

Проблема жанра представляется любопытной, однако она остается за рамками настоящего исследования.

В 1852 году Гончарова назначили секретарем адмирала Е. В. Путятина в экспедиции в Японию. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы подписать торговый договор с Японией. 7-ого октября 1852 года русская эскадра во главе с Путятиным на фрегате «Паллада» отправилась в кругосветное путешествие, которое длилось два с половиной года. Гончаров с русской эскадрой прошли Англию, Атлантический океан, остров Мадера, мыс Доброй надежды, остров Явы, Сингапур, Гонконг, острова Бонин-сима, Японию, Шанхай, Ликейские острова, Манилу и Сибирь. Гончаров вернулся в Санкт-Петербург в феврале 1855 года. В том же году очерки были отдельно изданы в разных журналах. «Фрегат "Паллада"» был впервые опубликован в 1858 году и в течение жизни писателя переиздавался несколько раз.

В состав очерков «Фрегат "Паллада"» входит путевой журнал, дневник и письма, которые писатель выслал друзьям во время путешествия. Сразу после публикаций «Очерков кругосветного плавания»¹⁵ в журналах и

¹² См.: *Недзвецкий В. А.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2. С. 43–55.

¹³ *Михельсон В. А.* Гуманизм И. А. Гончарова и колониальный вопрос / науч. ред. Н. И. Самохвалов. Краснодар: [б. и.], 1965. С. 280.

¹⁴ См.: *Дановский А.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова — очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004. № 5. С. 95–104.

¹⁵ *Гончаров И. А.* Ликейские острова // Отечественные записки. 1855. № 4. С. 239–268.
Гончаров И. А. Заметки на пути от Манилы до берегов Сибири // Морской сборник. 1855. Т. 16. № 5. Ч. IV. С. 53–121.

Гончаров И. А. Атлантический океан и остров Мадера // Отечественные записки. 1855. № 5. С. 71–102.

Гончаров И. А. Из Якутска // Морской сборник. 1855. Т. 16. № 6. Ч. IV. С. 271–317.

Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов: (Из путевых заметок) <Статья I> // Морской сборник. 1855. Т. 18. № 9. Ч. IV. С. 14–84.

Гончаров И. А. От мыса Доброй Надежды до острова Явы: (Из путевых записок) //

«Русских в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»¹⁶ как отдельное издание в 1855 году, эти очерки Гончарова получают несколько критических отзывов.

Авторами этих отзывов являются Н. А. Некрасов¹⁷, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин и В. Ф. Кеневич. Они одобряли художественность, ценность и современность очерков Гончарова. Однако, как считал А. В. Дружинин, автор очерков «явился нам путешественником, весьма мало похожим на путешественника»¹⁸ и остался прежним, где бы он ни побывал. Он слишком преувеличил важность образа России в японских главах, игнорируя сами главы.

В отличие от А. В. Дружинина, С. С. Дудышкин высоко оценил талант и наблюдательность Гончарова в описании Японии и Манилы. По его мнению, писатель сумел заметить те маленькие, но живые и смешные черты японцев и красочно передать этот образ читателям¹⁹.

В. Ф. Кеневич также рассмотрел писателя, как мастерского рассказчика, высоко оценил японские главы очерков. По его мнению, Гончаров поставил

Современник. 1855. Т. 53. № 10. С. 143–156.

Гончаров И. А. Манила. От Лю-Чу до Манилы. С 9 по 16 февраля 1854 года. Фрегат «Паллада» // Отечественные записки. 1855. № 10. С. 241–298.

Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов <Статья I> (окончание) // Морской сборник. 1855. Т. 18. № 9. С. 127–162.

Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Статья II. От Нагасаки до Шанхая // Морской сборник. 1855. Т. 18. № 10. Ч. IV. С. 299–327.

Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Статья II. От Нагасаки до Шанхая. (Окончание) // Морской сборник. 1855. Т. 18. № 10. Ч. IV. С. 417–453.

Гончаров И. А. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Статья III-я и последняя // Морской сборник. 1855. Т. 19. № 11. Ч. IV. С. 63–128.

¹⁶ *Гончаров И. А.* Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов: (Из путевых заметок). СПб., 1855. 238 с.

¹⁷ См.: *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за октябрь 1855 года // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / ред. тома В. Е. Евгеньева-Максимова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 9. С. 332–352.

¹⁸ *Дружинин А. В.* «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»: Из путевых заметок И. Гончарова. СПб., 1855 // Современник. 1856. № 1. С. 19.

¹⁹ См.: *Дудышкин С. С.* Из путешествия г. Гончарова: «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». «Из Якутска». «Атлантический океан». «Остров Мадера». «Ликейские острова и Манила» // Отечественные записки. 1856. № 1. С. 35–50.

человека на первый план в описании Японии и умел живо, четко и наглядно изображать образы и портреты японцев. Он писал: «Заметки о Японии гораздо выше всех других заметок г. Гончарова и более всех их удовлетворяют современным требованиям от развитого, европейски-образованного путешественника, каким все, конечно, признают нашего талантливый автора»²⁰.

В 1858 году «Очерки кругосветного плавания» публиковались отдельными изданиями «Фрегат "Паллада"»²¹. Позднее произведение было переиздано множество раз. «Фрегат "Паллада"» в 1858 году получил большой отклик со стороны современников Гончарова: Н. А. Добролюбова²², Д. И. Писарева, М. Ф. Де-Пуле и И. И. Лъховского²³. Они дали в целом положительную оценку книге, признавая ее как литературно-художественное произведение.

По словам Д. И. Писарева, Гончаров умел наблюдать за жизнью человека разных народов и создавать собственные образы, и национальные, и личные. Хотя у жителей Востока есть много общего, но они также сильно различаются²⁴.

М. Ф. Де-Пуле дал рецензию на очерки «Фрегат "Паллада"» с точки зрения педагогической критики. С одной стороны, он признал очерки достойным произведением в литературном и педагогическом аспекте, считая, что эти очерки никогда не потеряет свою ценность. Критик утверждал, что Гончаров умеет использовать параллель между своим и чужим, изображать разные народы и мастерски создавать пейзажи и образы. С другой стороны,

²⁰ *вич. [Кеневич В. Ф.] «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. (Из путевых записок)» И. Гончарова. СПб., 1855 // Библиотека для чтения. 1856. Т. 135, № 2. С. 44.*

²¹ *Гончаров И. А. Фрегат "Паллада": Очерки путешествия: В 2 т. СПб., 1858.*

²² *См.: Добролюбов Н. А. «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова. В двух томах. СПб. 1858 // Современник. 1858. № 6. С. 195–197.*

²³ *См.: И. Л. [Лъховский И. И.] «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова, в двух томах. СПб., 1858 // Библиотека для чтения. 1858. Т. 150. № 7. С. 1–11.*

²⁴ *См.: Писарев Д. И. «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова. В двух томах. СПб., 1858 // Рассвет. 1859. Т. 1. № 2. С. 68–71.*

он отметил недостатки этого произведения: по его мнению, автор в очерках много беседует и шутит со своими друзьями, что иногда негативно сказывается на впечатлении читателя. Когда автор очерков задерживался на месте, его взгляд становится уже, а творчество — менее удачно²⁵.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что в целом критические отзывы современников Гончарова не являются всесторонними и содержательными, так как не уделяют большого внимания художественному своеобразие очерков, их стилю, содержанию и литературному языку. В особенности критикой практически не замечены восточные главы очерков.

Современные исследователи изучали очерки «Фрегат "Паллада"» с точки зрения разных аспектов— круг рассмотренных ими вопросов включает в себя такие, как концепция стадиальности Гончарова, играющая важную роль также в других произведениях писателя, литературность, художественность и реализм произведения, образы и мотивы, композиция и структура, социальные проблемы и т. д.

Наравне с критиками-современниками Гончарова, современные исследователи также проанализировали очерки «Фрегат "Паллада"» как художественное литературное произведение. Об этом подробно рассказывали Н. С. Державин и Б. М. Энгельгардт.

Стоит отметить, что Б. М. Энгельгардт в своей статье пытался ответить на вопрос, совпадают ли наблюдения и события в очерках Гончарова с действительностью или нет. Исходя из официальных документов, он сделал вывод о том, что очерки «Фрегат "Паллада"» Гончарова не имеет ничего общего с действительностью, так как «Фрегат "Паллада"» — «прежде всего литературное произведение, сделанное в строго определенном литературно-художественном плане...»²⁶.

Исследователи высоко оценили талант и художественный метод Гончарова,

²⁵ См.: *Де-Пуле М. Ф.* «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова. СПб., 1858, 2 тома // *Атеней*. 1858. Ч. 6. № 44. С. 1–16.

²⁶ *Энгельгардт Б. М.* Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания: «Фрегат "Паллада"» // *Литературное наследство*. М., 1935. Т. 22–24. С. 328.

рассматривая очерки «Фрегат "Паллада"» как самостоятельное и достойное произведение. Однако Н. С. Державин также указывает на недостатки очерков. По его словам, «наблюдательность Гончарова ограничена; впечатления его поверхностны»²⁷.

Исследователи определили очерки Гончарова «Фрегат "Паллада"» как реалистическое произведение (Е. А. Ляцкий²⁸, С. Д. Муравейский²⁹, М. С. Горенштейн³⁰ и мн. др.).

Работ, посвященных образам и мотивам во «Фрегате "Паллада"», существует немало. Исследователи в целом пришли к единому выводу, что образ Англии ассоциируется с мотивом «машины», образ русского помещика с мотивом лени, образ Японии с мотивом «жизни-сна», «тюрьмы», образ Китая с мотивом «сна души». Подробнее эти образы и мотивы были описаны в работах Н. В. Покатиловой³¹, Ван Лицзю³², Е. А. Краснощековой³³ и т. д.

Среди работ, посвященных образам очерков «Фрегат "Паллада"», также прослеживаются образы самого героя и автора. Е. А. Краснощекова отметила, что у путешественника, то есть героя очерков, имеется «два возраста». По ее словам, «главный персонаж <...> несет в себе две возрастных ипостаси...»³⁴ — мудрый, рассудительный эпикуреец и юный, поэтический певец. Эти две ипостаси изменяются и могут пересекаться. Подобная «изменяемость»

²⁷ Державин Н. С. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: Литературный очерк. Пг.: Начатки знаний, 1923. С. 41.

²⁸ См.: Ляцкий Е. А. Гончаров на фрегате «Паллада» (Главы из книги о Гончарове) // Огни. Пг., 1916. Книга 1. С. 230–259.

²⁹ См.: Муравейский С. Д. И. А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада» // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М., 1949. С. 3–60.

³⁰ См.: Горенштейн М. С. К вопросу о роли кругосветного плавания и путевых очерков «Фрегат "Паллада"» в творческой биографии И. А. Гончарова // Материалы юбилейной гончаровской конференции / под. ред. П. С. Бейсова (отв. ред.) и М. Х. Валкина. Ульяновск, 1963. С. 121–176.

³¹ См.: Покатилова Н. В. «Фрегат "Паллада"» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840-1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.

³² См.: Ван Лицзю. Образы Китая и Японии в художественной концепции «Фрегата "Паллада"» И. А. Гончарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

³³ См.: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

³⁴ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 140.

обнаруживается в образе самого писателя. В. А. Недзвецкий обнаружил два образа автора очерков: автор-обломовец и автор-чиновник. Эти два варианта «"снимаются" истиной изображения: повествователь — русский художник-мыслитель, глубоко озабоченный судьбами своей родины и призванный помочь ей, а вместе и другим народам, обрести "идеал жизни"»³⁵.

Предметом изучения литературоведов оказались не только отдельные образы и мотивы, но и композиция очерков «Фрегат "Паллада"». Исследователи приходят к выводу о том, что в очерках композиция является единой и целостной.

Кроме того, исследователи также обращали внимание на социальные вопросы, которые поставлены в очерках Гончарова «Фрегат "Паллада"». Е. А. Краснощекова в своих работах касается идеи Прогресса и Цивилизации. По ее мнению, «Прогресс» и «Цивилизация» — это главные мотивы очерков Гончарова, которыми проникнута вся книга. Исследования В. И. Мельника³⁶, Н. К. Пиксанова³⁷ и В. А. Михельсон³⁸ специально посвящены колониализму и гуманизму.

В целом современные работы об очерках «Фрегат "Паллада"» гораздо более всесторонни, глубоки и разнообразны, чем критические отзывы XIX века.

Особое внимание ученых уделялось «восточным» главам (имеются в виду японские и китайские главы) очерков «Фрегат "Паллада"».

Здесь нельзя не упомянуть монографию Е. А. Краснощековой. Ее монография посвящена концепции стадийности человека и человечества в

³⁵ Недзвецкий В. А. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра. С. 48-49.

³⁶ См.: Мельник В. И. Незабываемая «Паллада» // Дальний Восток. 1984. № 8. С. 131-137.

³⁷ См.: Пиксанов Н. К. Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции / под. ред. П. С. Бейсова (отв. ред.) и М. Х. Валкина. Ульяновск, 1963. С. 23-53.

³⁸ См.: Михельсон В. А. Закованные берега: Этюды о «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова // Морская тема в литературе. Труды Кубанского государственного университета. Краснодар, 1965. Вып. 55. С. 24-56.

целом, его возрастных стадий: детство, юность, зрелость старость. По ее словам: «При характеристике уровня-специфики "национальных сознаний" Чаадаев исходил из просветительского в своей основе уподобления исторических фаз развития тех или иных стран (цивилизаций) человеческим возрастам (младенчество-детство, отрочество, юность-молодость, зрелость, старость)»³⁹. В связи с этим Е. А. Краснощекова выдвигает два исторических и индивидуально-человеческих состояния — «Сон» и «Пробуждение», которые выражаются в многозначных и всеобъемлющих образах, а также способствуют к сведению всего увиденного писателем в один образ и одно общее понятие. Она считает, что в гончаровской Вселенной у каждого своеобразного мира имеется свой «возраст», который становится образным лейтмотивом при описании жизни и ментальности народов страны. Детство и старость противопоставляются друг с другом. Эти четыре возрастные категории могут превращаться в разные этапы человеческой жизни и повторяться по каждому. В своем историческом развитии не каждый мир может проходить классически все возрастные стадии человечества: возможны внезапные скачки, например из «юности» сразу в «старость». По мнению Е. А. Краснощековой, писатель видит «нормы» поведения в соотношении «ума» и «сердца». Их гармония возможно только на возрастной стадии зрелости⁴⁰.

С. А. Васильева⁴¹, Е. П. Истомина⁴² разделили точку зрения Е. А. Краснощековой. В своей книге Ю. Лощиц рассуждает о двух возрастах в целом. По его мнению, противопоставляются два мироуклада и два возраста человеческой истории: «один из них — возраст наивного детства, восторженно-беспомощной молодости человечества, возраст поэзии, веры и

³⁹ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 176.

⁴⁰ См.: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

⁴¹ См.: Васильева С. А. Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.

⁴² См.: Истомина Е. П. Мотив границы в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2008. С. 66–71.

чудеса, надежд и грез»⁴³; а другой — это «зрелость» человечества. Е. А. Краснощекова также ссылается на Ю. Лоцица в выше указанной монографии. Стоит отметить, что М. В. Отрадин указал на истоки концепции стадиальности Гончарова в трудах немецкого мыслителя И. Г. Гердера⁴⁴.

Вышеперечисленным исследователям концепция стадиальности представляется наиболее убедительной в качестве теоретической базы. В отношении этого аспекта автор настоящей диссертации занимает такую же позицию. Теоретической платформой, помимо указанных работ, является монография Е. А. Краснощековой.

По мнению Е. А. Краснощековой, главные мотивы в изображении японцев — это мотив «сна» и «тюрьмы», мотивы детской изнеженности и стариковской расслабленности, мотивы старости, дряхлости, дряблости. Что касается главных мотивов в образе китайцев, то исследователь указывает на мотив «сна души»⁴⁵. В одной из статей литературовед отметила один недостаток в изображении Гончаровым мира Японии. Соотнесенность «чужого» со «своим» определила концепцию общей картины и тем самым эта «определенная "заданность" грозила лишить образ широты, схематизировать его...»⁴⁶. К сожалению, в японских главах Гончаров не смог абсолютно избежать этой опасности. В другой статье Е. А. Краснощекова утверждает, что мир Японии в гончаровской вселенной — «страна "несвободы", впавшая в исторический сон от застоя, а не от природной неразвитости»⁴⁷.

По мысли С. А. Васильевой, «образы Японии и Англии являются двумя смысловыми центрами "Фрегата "Паллада"» <...> и все остальные страны так

⁴³ Лоциц Ю. Гончаров // Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1986. Вып. 9 (573). С. 108.

⁴⁴ См.: Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников / под науч. ред. А. А. Карпова. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.

⁴⁵ См.: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества.

⁴⁶ Краснощекова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Acta Slavica Japonica. Sapporo, 1993. Т. 11. Р. 115.

⁴⁷ Краснощекова Е. А. «Фрегат "Паллада"» и «Обломов» (Взаимовлияния) // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991 / hg. von P. Thiergen. Köln, 1994. С.311.

или иначе соотносятся с этими двумя»⁴⁸.

Автореферат Ван Лицзю посвящен образам Китая и Японии в художественном единстве очерков «Фрегат "Паллада"». В статье Дяо Шаохуа речь идет об отношении Гончарова к Китаю в очерках «Фрегат "Паллада"» и об оценке мнения писателя⁴⁹.

С. Д. Муравейский полагал, что Гончаров не описывал и нарочно не замечал социальные различия в Японии и Китае. По его мнению, писатель игнорировал тот факт, что Япония «сама могла бы "открыться" в силу внутренних причин социального развития страны»⁵⁰. На Востоке писатель увидел отрицательную сторону капитализма, он надеялся на развитие отсталых стран, но выступал против способа жестокого колониализма, особенно в Китае.

Как считал А. Г. Цейтлин, «писатель сумел глубоко и вместе с тем образно показать феодальный строй»⁵¹. С одной стороны, Гончаров увидел в японцах черты неподвижности; с другой стороны, он также отметил положительные характеристики японского народа.

По мнению Н. С. Державина, в очерках о Китае и Японии «очень много и более глубоких наблюдений, метко подмеченных черточек культурно-политического характера, воспроизводящих, в общем, очень широкую и яркую картину Японии в 50-х годах накануне ее возрождения»⁵². На его взгляд, общее отношение Гончарова к народам Азии и Африки барское и презрительное.

Д. И. Белкин в одной из статей рассказал об ориентальной концепции Гончарова. Он считал, что в основе художественной идеи Гончарова —

⁴⁸ Васильева С. А. Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»... С. 8.

⁴⁹ См.: Дяо Шаохуа. И. А. Гончаров и Китай // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова / отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск, 1994. С. 67–76.

⁵⁰ Муравейский С. Д. И. А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада». С. 41.

⁵¹ Цейтлин А. Г. «Фрегат "Паллада"» // Гончаров И. А. Собрание сочинений. М.: Права, 1952. Т. 6. С. 388.

⁵² Державин Н. С. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова... С.41.

позиция писателя-реалиста⁵³.

Е. В. Колесова полагала, что Гончаров сравнивал будущее Японии с Китаем и приходил к выводу, что писатель также отметил, что не существует большой разницы между разными слоями японцев в жизни⁵⁴.

По мнению А. Дановского, Гончаров трактовал Японию и Китай как одно целое⁵⁵. М. С. Горенштейн утвердил, что Гончаров увидел конфликт между китайским народом и Цинской династией, и увидел причины отсталости Японии в ее изоляции от всего мира⁵⁶.

В. М. Алпатов считает, что «общая картина Японии <...> у Гончарова крайне негативна»⁵⁷. Однако по мнению Ю. Лоцица, Азия в глазах писателя совсем не сатирическая, и «"сонное царство" Востока постепенно проявляется в книге как своеобразная форма самосохранения, пассивного противостояния инородному народу»⁵⁸. А. Генис считал, что взгляд Гончарова на Японию полон стереотипов, и автор «нашел в Японии то, что искал»⁵⁹.

По словам В. Е. Евгеньева-Максимова, в описании японской нации наблюдался тонкий юмор Гончарова⁶⁰. Е. Накамура полагал, что у писателя имеется большое мастерство в описании японцев⁶¹.

⁵³ См.: *Белкин Д. И.* И. А. Гончаров о странах и народах Востока (К характеристике ориентальной концепции писателя) // *Народы Азии и Африки.* 1978. № 3. С. 126–135.

⁵⁴ См.: *Колесова Е. В., Ковтун А. В.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова как источник по истории Японии середины XIX в. // *Актуальные проблемы истории в отечественной и зарубежной историографии: Материалы VII Тарасовских чтений 14 мая 2004 г. / отв. ред. А. Г. Бахтин; Марийский государственный педагогический институт имени Н. К. Крупской. Йошкар-Ола, 2006. С. 25–28.*

⁵⁵ См.: *Дановский А.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова — очерковая эпопея путешествия.

⁵⁶ См.: *Горенштейн М. С.* Путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1955.

⁵⁷ *Алпатов В. М.* Два писателя — два взгляда на Японию // *Восточный архив.* 2005. № 13. С. 60.

⁵⁸ *Лоциц Ю.* Гончаров // *Жизнь замечательных людей.* С. 118.

⁵⁹ *Генис А.* Гончаров о японцах и японцы о Гончарове // *Новое литературное обозрение.* 1995. № 12. С. 452.

⁶⁰ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* И. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. М.: Государственное издательство, 1925.

⁶¹ См.: *Накамура Е. И.* А. Гончаров у японцев // *Литература и искусство в системе*

По мнению А. Р. Садовой, Писатель изображает странность японского быта и поведения японцев, в том числе система японских приветствий и поклонов, японская трапеза, одежда и т. п. А. Р. Садова считает, что «И. А. Гончарову с точностью исследователя удалось описать и даже привести увиденное в некую систему...»⁶².

Как считали Г. П. Козубовская и Т. М. Борисова, юмор писателя делает восточные главы комическими. Исследователи полагали, что «сюжет романа-путешествия дает возможность проследить, как неприятие, отталкивание постепенно сменяется мягкостью, терпимостью по отношению к чужому...»⁶³. Это неприятие в японских главах демонстрируется в еде и напитках. В глазах Гончарова, специфика Востока проявилась прежде всего в запахах. Восток в очерках Гончарова «Фрегат "Паллада"» странный и ироничный.

Таким образом, *актуальность* данной работы объясняется возрастающим в литературоведении интересом к диалогам культур разных стран и эпох, в особенности России и Азии (Япония и Китай). «Восточные» главы очерков «Фрегат "Паллада"» не часто оказывались предметом изучения исследователей, поэтому систематический анализ японских и китайских глав очерков представляется необходимым и актуальным.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе выделяются и классифицируются основные характеристики японцев и китайцев с точки зрения лексики и стилистики, глубоко исследуются японские и китайские главы в Земной Вселенной Гончарова.

Материалом диссертационного исследования послужили очерки путешествия «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова и материалы к ним (том

культуры: Сборник / Академия Наук СССР, Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1988. С. 411–420.

⁶² Садова А. Р. Япония и японцы во «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова // Восток в русской литературе XVIII — начале XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. С. 224.

⁶³ Козубовская Г. П., Борисова Т. М. Путешествие на Восток в романе И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Филологический анализ текста. Барнаул, 2004. Вып. 5. С. 8.

третий: Фрегат «Паллада»: материалы путешествия — Очерки, Предисловия, Официальные документы экспедиции»).

Объект исследования — «восточные» главы очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"».

В качестве *предмета* исследования выступают словесные портреты и характеристики японцев и китайцев, место японских и китайских глав в очерках «Фрегат "Паллада"».

Цель работы — выделить словесные портреты и характеристики японцев и китайцев, проанализировать японские и китайские главы, выявляя их место в очерках «Фрегат "Паллада"».

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- 1) выявление концепции стадильности Гончарова в словесных портретах японцев и китайцев;
- 2) анализ словесных портретов японцев и китайцев с точки зрения стилистики, выделение главных черт указанных наций;
- 3) анализ японских и китайских глав в единстве очерков, выделение главных композиционных принципов;
- 4) сопоставление между словесными портретами и характеристиками японцев и китайцев, между японскими и китайскими главами.

В настоящей работе используются сравнительный и структурно-семантический методы.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной и цитируемой литературы.

Во введении определяется актуальность работы, материал, объект, предмет, цель, задачи, методы исследования, его научная новизна, излагается история изучения очерков «Фрегат "Паллада"» и теоретическая база работы.

В первой главе «Словесные портреты и характеристики японцев и китайцев» рассматривается концепция стадильности Гончарова; в главах, посвященных японцам и китайцам, анализируются их словесные портреты с

точки зрения стилистики, определяются и обобщаются главные характеристики обоих народов, изучаются особенности языка писателя в описании портретов двух наций. Соотносятся словесные портреты японцев и китайцев, сопоставляются их характеристики.

Вторая глава «Место восточных глав в очерках "Фрегат "Паллада"» посвящена композиции и структуре японских и китайских глав в гончаровской Вселенной. Описываются композиционные принципы указанных глав, выявляются их кульминации.

В заключении подводятся итоги исследования, а также определяются перспективы его дальнейшего развития.

Глава 1. Словесные портреты и характеристики японцев и китайцев

§1. Представители Японии глазами Гончарова

В очерки «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончаров поместил две японские главы — «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов», а также «Русские в Японии». В других главах, например, «От Манилы до берегов Сибири», Гончаров также описывает японцев, фиксируя свои впечатления от путешествия по территории Японии.

Анализируя словесные портреты и характеристики японцев в очерках «Фрегат "Паллада"», мы в основном опираемся на вышеперечисленные главы, различая описание внешности и «культурного» поведения, под которым подразумеваем характер, поведение, обычаи и т. д.

Изображая японцев, писатель обращает внимание на их внешность, а именно, на то, как они выглядят и во что они одеты. При описании японцев низкого класса, Гончаров использует такие выражения как «...два одетые, а два нагие, светло-красноватого цвета, загорелые <...> да такой же повязкой около поясицы — вот и всё»⁶⁴, «Двое были одеты бедно: на них была синяя верхняя кофта, с широкими рукавами, и халат, туго обтянутый вокруг поясицы и ног. Халат держался широким поясом. А еще? еще ничего; ни панталон, ничего...» (315), «...да он же ходит голый...» (317), «С лодок налезло на трапы и русленя множество голых, полуголых и оборванных гребцов. На некоторых много-много, что синий длинный халат — и больше ничего: ни панталон, ни кофт, ни сандалий» (330).

Подобными выражениями автор изображает бедность простого японского народа. Писатель многократно повторяет эпитет «голый», описывая гребцов, а их крик выражает словом «Оссильян!». Кроме того, Гончаров использует

⁶⁴ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / редкол.: В. А. Туниманов (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 315. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: в скобках указываются номера страниц.

гиперболу «по голым, палимым зноем гребцам» (319), также рисуя нищету простых японцев.

Несмотря на то, что Гончаров пребывал в Японии более месяца, он не меняет своей позиции относительно японцев. Автор вновь использует эпитет «голый», давая оценочную характеристику японских гребцов: «Славно: пестроты нет, все в одном и том же костюме, с большим вкусом!» (345). Внимательный читатель не может не заметить, что на самом деле, японцам, о которых говорит Гончаров, нечего было надевать и, невзирая на это, писатель иронизирует в выражении «с большим вкусом». Ироническое замечание подчеркивается восклицанием, делая акцент на бедном положении азиатского народа.

Во время первого визита русских к губернатору Гончарову выпадает возможность понаблюдать за японцами на набережной. Чтобы дать оценку увиденному, автор вновь использует эпитет «голый» и усиливает свои эмоции такими выражениями, как «...тоже не очень одетый» (349), «полунагие носильщики...» (349).

Стоит заметить, что автор точно разделяет портреты простого народа и чиновников: «Через полчаса явились другие, одетые побогаче» (316), «Третья партия японцев была лучше одета: кофты у них из тонкой, полупрозрачной черной материи...» (317), «Но не все имеют право носить по две сабли за поясом: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерам; солдаты носят по одной, а простой класс вовсе не носит» (317), «На них, сверх черной кофты из льняной материи и длинного шелкового халата, были еще цветные шелковые же юбки с разрезанными боками и шелковыми кистями» (325), «Все четверо полномочные были в широких мантиях из богатой, толстой, шелковой с узорами материи, которая едва сжималась в складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкие, спереди, от самого подбородка до пояса, висел из той же материи нагрудник; под мантией обыкновенный халат и юбка, конечно шелковые же...» (456) и мн. др.

В. А. Михельсон в одной из статей отметил, что «талантливый художник сумел схватить в портретах простых японцев типичную черту, раскрывающую правду жизни: в отличие от разряженных, как волшебном балете, господ, народ — гол. Множество раз рисует Гончаров нарядных, шелково-шуршащих самураев и множество раз — голый народ, повторяя этот эпитет, как бы внушая его читателю...»⁶⁵. По его мнению, народные сцены в очерках описываются с помощью подобных социальных контрастов, и эти контрасты показывают, что высшие классы виноваты в застойном положении страны. Е. В. Колесова и А. В. Ковтун также отметили колоссальную разницу между различными слоями общества в Японии⁶⁶.

Положение простого народа может многое сказать об общей обстановке в стране. Гончаров намеренно делает акцент на бедности Японии, чтобы критически оценить замкнутую систему японского государства. Он обвиняет «политику закрытых дверей» в застое страны и полагает, что она может развиваться лишь после того, как станет открытой для союзничества с другими странами. Таким образом, писатель описывает бедность японцев, подчеркивая необходимость страны менять свою внешнюю политику.

Мы разделяем точку зрения В. А. Михельсона, говоря о социальных контрастах в японских очерках; к тому же стоит отметить, что такие яркие сопоставления производят на читателей сильнейшее впечатление и заставляют задуматься о будущем многих других стран.

Словесные портреты японцев имеют достаточно странные и комические оттенки: «Голова вся бритая, как и лицо, только с затылка волосы подняты кверху и зачесаны в узенькую, коротенькую, как будто отрубленную косичку, крепко лежавшую на самой маковке. Сколько хлопот за такой хитрой и

⁶⁵ *Михельсон В. А.* Просветительские взгляды и гуманизм И. А. Гончарова («Русские в Японии», очерк первый) // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар, 1963. Вып. 36. Вопросы русской и зарубежной литературы. С. 141–181.

⁶⁶ См.: *Колесова Е. В., Ковтун А. В.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова как источник по истории Японии середины XIX в.

безобразной прической!» (315). Здесь автор использует уменьшительно-ласкательные формы прилагательных, такие как «узенькую», «коротенькую», «косичку». Кроме того, эпитеты «хитрый», и «безобразный» также подтверждают, что в глазах писателя японцы выглядят более чем странными и комичными.

Гончаров удивляется тому, что японцы могут ходить без шапок в жару: «...лучи играют на бритых, гладких лбах, точно на позолоченных маковках какой-нибудь башни, и на каждой голове горит огненная точка <...> от этакой прогулки под солнечными лучами, под здешними лучами, которые, как медные спицы, вонзаются в голову!» (330). В этих выражениях автор использует сравнения, опять же изображая странные и комичные образы японцев.

Стоит отметить, что в этих же описаниях появляются и женские характеристики японцев. Принято считать, что слово «косичка» обычно применяется для описания женских образов, а Гончаров, используя это слово, ведет речь о мужчинах.

Кроме того, в описании портретов переводчиков (оппер-толков и ондер-толков)⁶⁷ автор использует такие выражения как «...глядя на эти мягкие, гладкие, белые, изнеженные лица, лукавые и смышленные физиономии, на косички и на приседанья» (318), «...который страх как походил на пожилую девушку с своей седой косой...» (326), «Он смотрит всякий раз очень ласково на меня <...> и напоминает какую-нибудь безусловно добрую тетку, няньку или другую женщину-баловницу...» (388). Нельзя не согласиться, что эпитеты «мягкий», «гладкий», «белый», «изнеженный», «ласковый» обычно используются для описания женщин. А слова «девушка», «тетка», «нянька», «женщина-баловница» вовсе в бытовой

⁶⁷ «Эти старшие и младшие переводчики (от гол. oppertolk и ondertolk), владевшие голландским языком, появились в начале XVII в. и происходили из семей, в которых сыновья наследовали профессию отца; таких семей насчитывалось около тридцати». См.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / редкол.: В. А. Туниманов (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. С. 614.

речи употребляются только в отношении женщин.

В описании свиты писатель использует следующие выражения: «вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физиономии...» (330), «...коса и гладко выбритое лицо делают их непохожими на мужчин» (330). Автор прямо указывает на то, что у свиты полностью отсутствуют мужские черты, причём выше упомянутые выражения используются не только для описания внешности, но и поведения японцев: «Они вообще очень нежны» (318), «Они вынимали из-за пазухи свой табак <...> величиной с половину самого маленького женского наперстка» (318). Эпитеты «нежный» и «женский» по сути играют синонимичную роль.

Об одном из баниосов⁶⁸, Баба-Городзаймоне, Гончаров пишет, что у него «преприятная манера говорить: он говорит, как женщина, так что самые его отказы и противоречия смягчены этим тихим, ласковым голосом» (328). Писатель сравнивает мужской голос с женским, и женские черты в образе мужчин преобладает с помощью таких эпитетов, как «тихий» и «ласковый».

По мнению Г. П. Козубовской, в глазах писателя Япония ассоциируется с «женским», это в основном отражается во внешности, в одежде и в поведении японцев⁶⁹. С нашей точки зрения, писатель подчеркивает женские черты японцев для того, чтобы отметить «женскую» связь между гендерными особенностями, поведением японцев и их действиями в замкнутой системе страны. Несмотря на свое отношение к существующей в то время системе, народ все же боится что-либо изменить и открыть свою страну миру. Японцы всегда соблюдали законы и правила, придерживались строгих порядков, этикета, обычаев, поэтому в их словесных портретах и характеристиках не хватает смелости, мужества и решительности.

Обратимся к образам японцев с точки зрения характера и поведения. Здесь

⁶⁸ «Баниос у японцев есть не чин или сан, а временное звание, сообщаемое старшими лицами всем чиновникам, которым от них вверяется какое-либо поручение». См.: там же. С. 623.

⁶⁹ См.: Козубовская Г. П., Борисова Т. М. Путешествие на Восток в романе И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». С. 5–6.

обнаруживаются возрастные категории концепции стадиальности Гончарова, которая пронизывает все очерки «Фрегат "Паллада"». Ряд исследователей обращались к изучению этой концепции, например, Краснощекова считает, что «в свете "одного образа" и "одного понятия" («Сон» — «Пробуждение») Япония занимает в Земной Вселенной Гончарова как бы срединное положение между двумя крайностями: "сном" первобытных племен Африки и островов Атлантики, с одной стороны, и Цивилизацией, с другой»⁷⁰. Можно сделать вывод, что с одной стороны, Япония изолирует себя от остального мира и прекращает развитие своего государства; с другой стороны, страна имеет потенциал стать развитым и прогрессивным государством. О положении Японии Гончаров отзывается так: «...не естественное состояние "младенцев человечества", оно куда более напоминает болезненное состояние стариков, впавших в детство»⁷¹. В связи с этим, образы, связанные с «младенчеством» и «старостью», являются доминирующими в описании японцев.

С. А. Васильева отмечает, что в гончаровской Вселенной возраст Японии — младенчество (детство). Однако в детскости Японии присутствует и старость. Вопреки сну и застою Японии, в этой стране наблюдается молодая сила, которая готова перейти на следующую возрастную стадию⁷².

Е. П. Истомина также считает, что Япония — это страна, которая готова к самостоятельному историческому выбору⁷³. Как считает Н. В. Покатилова, «изолированность японцев от остального мира акцентируется сопоставлением их с "детьми"»⁷⁴, отсюда следует, что назревающие исторические перемены уже очевидны для японцев.

⁷⁰ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 187.

⁷¹ Там же. С. 187.

⁷² См.: Васильева С. А. Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»...

⁷³ См.: Истомина Е. П. Мотив границы в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"».

⁷⁴ Покатилова Н. В. «Фрегат "Паллада"» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840-1850-х годов... С. 132.

В заключение следует отметить, что все перечисленные литературоведы сходятся во мнении: возрастные категории японцев совмещают детскость и старость. Сам Гончаров упомянул это в своих очерках: «...как детям, отдаться под руководство старших»; «Ойе-Саброски, с детским личиком своим, был тут старший» (444).

Суждения, свойственные наивным детям, имеют место быть и доказательством этому могут послужить: «Они с боязнью озирались вокруг...» (315), «...детская недоверчивость к нашему приходу...» (318), «Они вглядывались во всё с любопытством, осматривали всё в каюте, раскрыли рот от удивления...» (318), «...их пугало, когда вдруг люди побегут по вантам или потянут какую-нибудь снасть и затопают» (318–319), «в этом любопытстве было много наивного, детского...» (329), «...с детским любопытством...» (354), «...он смотрел с любопытством и прятал» (354), «не дети ли...» (355), «Японцы очень живы и натуральны <...> Напротив, они всё выведывают, обо всем расспрашивают и всё записывают» (355), «...детское притворство или крайняя неловкость» (362), «...он смотрел по-детски...» (382), «...закричал он детским голосом...» (444) и др.

Так же Гончаров подчеркивает старость японцев: «...который страх как походил на пожилую девушку...» (326), «Они, от старости, едва стояли на ногах и плохо видели» (330), «Стоят на ногах они неуклюже, опустившись корпусом на коленки, и большею частью смотрят сонно, вяло: видно, что их ничто не волнует, что нет в этой массе людей постоянной идеи и цели, какая должна быть в мыслящей толпе, что они едят, спят и больше ничего не делают, что привыкли к этой жизни и любят ее»; «...потом сонно зевает по сторонам...» (335), «Так же сонно, не глядя ни на что вокруг...» (346), «Наконец явился какой-то старик с сонными глазами <...> Он стал неподвижно перед нами и смотрел на нас вяло» (349), «Наконец явился какой-то старик с сонными глазами...» (349), «...взятые на подбор <...> с сонными глазами» (350), «...хотя они и смотрели, по обыкновению, сонно и

вяло» (362) и др.

В глазах писателя сущность словесных портретов и характеристик японцев заключается в том, что японцы выступают в роли детей, которые следуют руководству старших. Детскость и старость играют важнейшую роль в словесных портретах и характеристиках японцев.

Думается, «Пробуждение» соответствует возрастной категории «детства», а «Сон» — «старости». Таким образом, с одной стороны, из-за изоляционной политики Японии ее население находится в неведении о мировых событиях, оттого оно ведет себя как ребенок — японцы любопытны и очень наивны; с другой стороны, даже несмотря на то, что они достаточно хитры, они сонны, вялы и охотно привыкают к замкнутой системе страны, боясь каких-либо изменений. Гончаров считает изоляцию Японии от остального мира и ее феодальный строй главными причинами «детскости» и «старости» японцев.

С возрастными категориями тесно связана изолированность японцев — характерная черта в их словесных портретах. Японию изолируют от всех других стран, японцев во многом и ограничивают и многое им запрещают: «Они всего боятся; всё им запрещено: проврутся во вздоре – и за то беда» (348), «Каков народ! какова система ограждения от контрабанды всякого рода!» (470), «...под влиянием строгого еще тогда запрещения от правительства сносятся с иноземцами» (735) и др.

Несмотря на то, что писатель никогда не видел микадо, он все же изображает его словесный портрет и называет микадо «сыном неба», используя метафору. Однако это оценочная иронически-возвышенная метафора. Гончаров отмечает: «Известно, что этот микадо (настоящий, законный государь, отодвинутый узурпаторами-наместниками, или сиогунами, на задний план) не может ни надеть два раза одного платья, ни дважды обедать на одной посуде. Всё это каждый день меняется, и сиогун аккуратно поставляет ему обновки, но простые, подешевле» (351), «Этот прямой и непосредственный родственник неба, брат, сын или племянник

луны мог бы, кажется, решить, но он сидит с своими двенадцатью супругами и несколькимистами их помощниц, сочиняет стихи, играет на лютне и кушает каждый день на новой посуде» (352).

Автор использует иронию в отношении «сына неба», применяя такие уважительные слова, как «настоящий, законный государь», и описывая его хорошее образование и воспитание («сочиняет стихи», «играет на лютне»). Иронический словесный портрет и характеристика микадо выражает критическое отношение писателя к монархии и к феодальному строю.

В. А. Михельсон считает, что метафора «сын неба», носит комический и иронический характер, более того, она дважды пародируется и снижается: «сын неба» превратился в «родственника неба», затем в «брата, сына или племянника луны». По словам исследователя, «об официально высоком писатель говорит нарочито низким языком: новую одежду и утварь императора называет "обновками", которые стремятся купить "подешевле" ...»⁷⁵.

Несмотря на то, что народ находится в состоянии «сна и старости» (застоя, неподвижности), японцы имеют потенциал изменить критическую ситуацию в стране и двигаться вперед, словно растущие дети: «Если японцы и придерживаются старого, то из боязни только нового, хотя и убеждены, что это новое лучше» (355), «Японцы надежнее китайцев к возделанию; если падет их система, они быстро очеловечатся, и теперь сколько залогов на успех! Молодые сознают, что все свое перебродилось у них и требует освежения извне» (604) и др.

В словесных портретах и характеристиках писатель подчеркивает, что японцы соблюдают закон, правила, этикет, традиции, уважают и подчиняются вышестоящему. Эта черта является характерным воплощением феодального строя Японии.

О переводчиках, которые сопровождают баниосов, Гончаров пишет так:

⁷⁵ Михельсон В. А. Просветительские взгляды и гуманизм И. А. Гончарова... С. 146–147.

«говорили они почтительным шепотом <...> а сами стали в ряд»; «...положив руки на колени и поклонившись почти до земли» (324); повторяющее «"Хи, хи, хи!"» и мн. др. Писатель изображает свиту секретарей так: «...все до одного вдруг, как по команде, положили руки на колени, и поклонились низко, и долго оставались в таком положении, как будто хотят играть в чехарду» (346). Изображая серьезную ситуацию, писатель использует комическое сравнение, высмеивая происходящее.

Изображая портреты японских чиновников во время официальных встреч с губернаторами и полномочными, писатель употребляет ряд фигур речи и тропов. Например, в выражениях «...на пятках человеческие фигуры в богатых платьях, с комической важностью» (357), «...наблюдать эти спящие страсти...» (362), «Уж не древние ли покойники встали из тысячелетних гробниц и собрались на совещание?» (459) автор использует оксюморон (комическая важность; спящие страсти; покойники встали из гробниц и собрались на совещание). «Не слышно и не видно было, дышат ли, мигают ли эти фигуры, живые ли они, наконец?» (357), «Ходят ли они, улыбаются ли, поют ли, пляшут ли?...» (459); паратакисис (дышат ли, мигают ли, живые ли; ходят ли, улыбаются ли, поют ли, пляшут ли). Писатель сравнивает две массивные фигуры седых стариков с фарфоровыми куклами; косички молодежи и стариков с крысьим хвостом.

В выражении «Между тем все они уставили глаза в стену или в пол и, кажется, побились об заклад о том, кто сделает лицо глупее. Все, более или менее, успели в этом; многие, конечно, неумышленно» (357), «У них, кажется, в обычае казаться при старшем как можно глупее, и оттого тут было много лиц, глупых из почтения» (362) используется ирония (успеть — глагол с положительным оттенком, а писатель наделяет его отрицательным значением; так же он поступает со словом «почтение»). Писатель употребляет гиперболу «чиновники сидели, едва смеядохнуть...» (362).

В этих словесных портретах и характеристиках вновь изображаются

отрицательные, странные и комичные образы японских чиновников.

Как считает Е. А. Краснощекова, Гончаров комически изображает детали в образе японцев, используя прием «остранения»⁷⁶. По словам М. В. Отрадина, «если мера экзотического возрастает, то Гончаров охотно использует прием остранения <...> классический пример остранения: непонятное в японской жизни подается Гончаровым так, как будто это увидено ребенком (458-459)»⁷⁷. А. Дановский также полагает, что писатель пользуется приемом остранения в описании парадного обеда японцев⁷⁸. Думается, именно здесь писатель использует этот прием. С точки зрения В. А. Михельсона, в описании бюрократического режима, «комический образ заостряется, рождается сатирическая гиперболизация, шаржировка, гротеск»⁷⁹.

В целом можно отметить, что в Японии наблюдается строгий подчинительный режим: переводчики — баниосы — губернаторы — полномочные. Даже среди чиновников одной иерархии существует подчинение вышестоящим. На наш взгляд, можно включить эту черту словесных портретов в возрастные категории концепции стадильности Гончарова. Такая характеристика совпадает со «старостью» японцев: именно старики настаивают на соблюдении и сохранении традиций и консерватизма.

Японские главы изображают процесс познания этой страны Гончаровым. Сначала писатель отзывается о японцах так: «во всем прочем это народ, если не сравнивать с европейцами, довольно развитой, развязный, приятный в обращении и до крайности занимательный своеобразностью воспитания» (328). Они любезны, чисты, уважительны.

Однако это лишь первые впечатления писателя. Чем больше писатель

⁷⁶ См.: Краснощекова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"».

⁷⁷ Отрадин М. В. «Манила» на пути автора «Фрегата "Паллада"» // Русская литература. 2016. № 4. С. 91.

⁷⁸ См.: Дановский А. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова — очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004. № 5.

⁷⁹ Михельсон В. А. Просветительские взгляды и гуманизм И. А. Гончарова... С. 150.

общается с местными жителями, тем больше меняются его впечатления и мнение об общей картине Японии. Автор постепенно осознает, что Япония — это крайний Восток. Несмотря на все положительные черты японцев, они подозрительны, недоверчивы, замкнуты, самоуверенны, они опасаются каких-либо изменений. Одним из ярких примеров динамики впечатлений писателя, служит словесный портрет и характеристика переводчика Эйноске.

Сначала в глазах писателя он предстает умным и красивым человеком: «черты лица правильные, взгляд смелый...» (377), он хорошо переводит. Он мечтает о путешествиях и женщинах: писатель шутит, называя его «японским Дон Жуаном» (447). Здесь автор также использует метафору и создает комическую атмосферу.

Однако с развитием событий, Эйноске становится все более неприятным и надоедливым: «Он зазнался, едва слушал других полномочных; когда Кавадзи не было, он сидел на стуле развалившись. Вообще не скрывал, что он вырос, и под конец переговоров вел себя гораздо хуже, нежели в начале. Он не прочь и покутить: часто просил шампанского и один раз, при Накамуре, так напился с четырех бокалов, что вздумал было рассуждать сам, не переводить того, что ему говорили...» (485).

Здесь автор начинает дифференцировать образы японцев, разделяя положительные и отрицательные характеристики. Один из переводчиков Нарабайоси второй «их два брата, двоюродные, иначе гейстра» (334) молод, скромн, задумчив, в восторге все нового увиденного, хочет путешествовать и видеть мир, «...у него нет столбняка в лице и манерах, какой замечен у некоторых из японцев, нет также самоуверенности многих...» (334), «видно, что у него бродит что-то в голове, сознание и потребность чего-то лучшего против окружающего его...» (334).

В. А. Михельсон относит образы Нарабайоси второго и Эйноске к «образам прогрессивных деятелей Востока», осуждая «робость и

половинчатость японской оппозиции»⁸⁰. С этим нельзя не согласиться, однако, как мы уже доказали выше, Эйноске не полностью принадлежит к этой группе.

Гончаров описывает незнакомого ему человека, который резко выделяется на фоне других японцев: «Он высок ростом, строен и держал себя прямо» (335); «...но он стоял на палубе гордо, в красивой, небрежной позе. Лицо у него было европейское, черты правильные, губы тонкие, челюсти не выдавались вперед, как у других японцев. Незаметно тоже было в выражении лица ни тупого самодовольства, ни комической важности или наивной, ограниченной веселости, как у многих из них. Напротив, в глазах, кажется, мелькало сознание о своем японстве и о том, что ему недостает, чего бы он хотел» (335–336).

Переводчик Съоза также входит в группу прогрессивных деятелей. Съоза и Нарабайоси второй «чувствуют и сознают свое положение, грустят и представляют немую, покорную оппозицию» (366).

Словесные портреты и характеристики полномочных Тсутсуй и Кавадзи позитивные. Тсутсуй мудрый, «красивее всех своею старческою, обворожительною красотою ума и добродушия...» (460), у него «во всех чертах светилась старческая, умная и приветливая доброта» (457) и «были манеры, обличающие порядочное воспитание» (457); Кавадзи — человек «с умным и бойким лицом» (456). Писатель восхищается Кавадзи и подробно описывает, как меняется выражение его лица во время переговоров. По его словам, Кавадзи умен, мудрен, остроумен, опытен, проницателен, у него озабоченный взгляд.

Эти люди — малая часть японского общества, на них возлагается будущее и надежда страны. Описывая их, писатель использует паратакис (например, лицо у него было европейское, черты правильные, губы тонкие), использует сложные бессоюзные предложения, чтобы усилить тон и добиться эффекта

⁸⁰ Там же. С. 162.

эмфазы.

Существует другая группа людей, которая составляет большинство населения Японии. К этой группе относится вся свита: они странные, вялые, сонные, глупые. Описывая их, писатель употребляет метафору «зачесанные снизу косы придают голове вид груши...» (335); сравнение «весь этот люд, то есть свита <...> и долго оставались в таком положении, как будто хотят играть в чехарду» (346), паратаксис (одно лицо толстое, мясистое, другой длинное, худощавое, птичье, третий рябой); эпитеты с отрицательным оттенком «прислужники» (358), «глуповатый» (358); литоту «седая косичка, в три волоса...» (330). В этих выражениях явно ощущается негативное отношение писателя к свите.

По мнению В. А. Михельсона, словесные портреты и характеристики свиты являются самыми сатирическими. В выражениях «...словом, молодец к молодцу: длиннотицы и круглотицы, самые смуглые, и изжелта, и посветлее, подслеповатые и с выпученными глазами, то донельзя гладкие, то до невозможности рябые. А что за челюсти, что за зубы! И всё это лезло, лезло на палубу...» используются «комические гиперболы — "до нельзя гладкие", "до невозможности рябые»; ирония — "молодец к молодцу"; выразительная лексика, в особенности глагол с негативным оттенком "лезть"...»⁸¹; в этих примерах очевидно юмористическое мастерство писателя. Михельсон замечает, что «манера описания здесь напоминает манеру описания раков, приведенной сцене»⁸².

В эту группу также входит большинство баниосов. Ими владеет апатия, у них «нет оживленного взгляда, смелого выражения, живого любопытства, бойкости...» (335). В глазах писателя оппер-баниосы — Хагивари, Саброски — хитрые, притворные.

Переводчики Кичибе, Льода, Садагора принадлежат к этой группе. В глазах писателя они предстают хитрыми, они твердо придерживаются

⁸¹ Там же. С. 157.

⁸² Там же.

старого и не желают нового, они являются приверженцами консерватизма и отказываются от либеральных движений.

Стоит отметить, что эпитеты для словесных портретов Лёды и Садагоры носят яркий отрицательный оттенок: «старый, грубый циник» (377) и «льстивый, кланяющийся плут» (377). На вопрос когда можно получить ответ из Едо⁸³, Садагора отвечает так: «куррьер помчится, как птица» (328). Писатель пользуется ироническим сравнением, высмеивая бюрократическую систему японцев.

В отличие от них, Кичибе безразличен ко всему окружающему. Когда чиновники хотели сообщить русским о смерти сиюгуна⁸⁴, все помолчали кроме Кичибе. Это неудивительно, так как он всегда ведет себя по-своему, и об это не раз замечает Гончаров. В данном случае писатель сравнивает речь Кичибе «Хи! хи! хи!» с предсмертной икотой; его извивание — со змеем; его голос — с карканьем вороны. Сравнения человека с предметом и животным делают словесный портрет Кичибе комичным.

Словесные портреты и характеристики двух секретарей отрицательны: «Они едва подняли веки на нас, на всё, что было кругом, и тотчас же опустили. Грянула музыка – опять они подняли веки и опять опустили. Потом тихо поплелись, шаркая подошвами, куда мы повели их, не глядя по сторонам» (346). Повторы «поднять веки» и «опустить веки» показывают, что их не интересует внешний мир, они замкнуты, привержены старому миру.

В эту группу также входят два полномочных Алао (имя другого неизвестно). Изображая их, писатель употребляет выражения «...как будто прошедший всю жизнь в затворничестве, и немного с птичьим лицом» (456); «...у этого было очень обыкновенное лицо, каких много, не выражающее ничего, как лопата» (456). Писатель сравнивает их лица с птицей и лопатой,

⁸³ В современном русском языке общепринятым считается написание «Эдо». Это старое название Токио. В период Эдо (1603–1867) этот город играл роль политико-административного центра Японии.

⁸⁴ В современном русском языке общепринятым считается написание «сегун». В период 1192–1868 так назывались правители Японии.

придает их словесным портретам комический оттенок.

По замечанию Е. А. Краснощековой, «встреча путешественника с Японией имеет внутренний "сюжет", позволяющий уловить своего рода этапы восприятия Гончаровым увиденного: первые впечатления нередко оспариваются последующими...»⁸⁵. По ее мнению, выделяются две группы японцев: будущая «Молодая Япония» и упрямые консерваторы. Подход Гончарова к описанию японцев особенный: с одной стороны, писатель пытается «отбросить европейскую логику и помнить, что это крайняя Азия, то есть внимательно вглядываться в чужую национальную жизнь и представлять ее во всей первозданности»⁸⁶; а с другой стороны, ему необходимо вдумываться в общечеловеческое; и последнее оказывается важнее.

А. Р. Садокова также поддерживает такую точку зрения: по мере знакомства писателя с японцами его отношение к стране меняется: более углубленное впечатление он противопоставляет первому впечатлению, которое в итоге оказалось ошибочным⁸⁷.

Писатель несколько раз отмечает одни и те же черты словесных портретов японцев. Во-первых, за пазухой у японцев «целый магазин всякой всячины: там лежала трубка, бумажник, платок для отирания пота и куча листков...» (325). Здесь писатель использует гиперболу, выражая свое удивление: он удивлен тому, что за пазуху можно положить такое большое количество вещей. Во-вторых, его удивляет, что японцы уносят с собой то, чем их угощают. Станным ему кажется, что они всегда кланяются при встрече. По словам писателя, он ни разу не видел, чтобы японцы стояли прямо.

В этих главах также обнаруживаются краткие словесные портреты и характеристики японских женщин: они «смуглянки», «нехороши собой»,

⁸⁵ Краснощекова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». Р. 111.

⁸⁶ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 197.

⁸⁷ См.: Садокова А. Р. Япония и японцы во «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова. С. 216–233.

«некрасивые», «чернозубые» (376).

Как считает Гончаров, у всех японских чиновников имеется одно общее качество: они умеют обмануть, они хитрят и чрезмерно навязчивы. Выражения «начались опять упрашиванья» (446), «поверить им невозможно» (445), «Очнувшись, баниос побежал к нему передать новость и тотчас же воротился с просьбою не салютовать...» (453), «нельзя ничего спросить — соврут или промолчат», «первое движение у них, когда их о чем-нибудь спросишь, не сказать, второе – солгать» (608) и др. нелестно описывают японское чиновничество. В такой оценке явно проступает ирония писателя.

По мнению автора, чиновников интересуют женщины. Он пишет, что в отношении женщин, японцы «впали было в легкий цинизм», они «не скрывают и не преследуют этой слабости» (474). Чиновники гордятся своим правительством. У полномочных есть общее свойство: несмотря на то, что они интересуются новым, они пытаются скрыть это.

Стоит отметить, что писатель обратил внимание не только на коллективные портреты японцев, но и на образы отдельных личностей: Льода, Садагора, Сьоза, Нарабайоси, Нарабайоси второй, Кичибе, Эйноске (переводчики); Баба-Городзаймона, Самбро, Хагивари, Саброски (баниосы); Овосава, Мизно (губернаторы); Тсутсуй, Кавадзи, Алао (полномочные) и мн. др.

Например, словесный портрет и характеристика губернатора Овосава достаточно неоднозначны и двусмысленны. С одной стороны, он высок, «с важным, строгим и довольно умным выражением в лице» (357), с выражением достоинства на лице; с другой стороны, «Он вдруг снизошел с высоты своего величия <...> с умильной улыбкой, мягким, вкрадчивым голосом говорил тихо и долго» (364).

Образ нового губернатора Мизно носит негативный оттенок: он «был с лица не мудрец, но с сердитым выражением» (457).

Любопытен словесный портрет и характеристика церемониймейстера

Накамуры Тамеи: писатель не раз сравнивает его с медведем. По словам писателя, Накамура «похож немного, взглядами, голосом и движениями, на зверя» (484), он «смышсленный и распорядительный человек, хотя и медвежьей наружности» (485), он легко впадает в восторг. Исходя из этих сравнений, можно предположить, что Накамура неуклюжий и нерасторопный.

По мнению Е. А. Краснощековой, Гончаров постепенно осознает, что «путь к подлинному постижению национальной психологии лежит не через сравнение "своего" и "чужого", а через вглядывание в отдельного человека — вдумывание в его общечеловеческую сущность»⁸⁸. Эта мысль отражена в японских главах: писатель изображает массовые и индивидуальные портреты японцев, с одной стороны, как бы смотря в телескоп; с другой стороны —, вглядываясь в микроскоп.

Пробыв в Японии месяц, Гончаров заключает, что он уже хорошо ознакомился с этой страной. Однако к этому времени русские до сих пор не получили разрешение выйти на берег, поэтому по существу у писателя не было возможности увидеть в подробностях жизнь японского народа. Даже после того, как у Гончарова появилось право сойти на берег, он не сумел понаблюдать за японским народом, так как его не допустили до центра порта и даже до домов местных жителей. Поэтому словесные портреты и характеристики японцев в этом контексте односторонни.

Кроме двух японских глав, в других главах очерков «Фрегат "Паллада"» также иногда упоминаются образы японцев. Здесь юмор писателя набирает силу. Гончаров иронизирует над Ойе-Саброски, Кичибе и новым губернатором: «ел мясо в первый раз в жизни и в первый же раз, видя горчицу, вдруг, прежде нежели могли предупредить его, съел ее целую ложку: у него покраснел лоб и выступили слезы» (607). Словесные портреты и характеристики гребцов и свиты тоже комичны: «они с удивлением, разинув рты, смотрели...» (608). Следует отметить, что здесь также можно

⁸⁸ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 191.

обнаружить «детскость» японцев: они многое не знают и не смыслят как дети.

§2. Образы китайцев

Как замечает Гончаров, «народонаселение лезет из Китая врозь, как горох из переполненного мешка, и распространяется во все стороны, на все окрестные и дальние острова, до Явы с одной стороны, до Калифорнии с другой. Китайцев везде много...» (397). Словесные портреты китайцев изображаются не только в китайских главах «Гонконг» и «Шанхай», но и в других главах очерков «Фрегат "Паллада"». Анализируя их, мы будем обращать внимание на возрастные категории китайцев (в рамках концепции «Сна» и «Пробуждения») и выделять общие и отличительные особенности в образе китайцев разных городов и стран.

Как считает Е. А. Краснощекова, китайцы во вселенной Гончарова предстают подростками-стариками: «китайцы в своем развитии как бы пропустили молодость — наиболее духовный из всех периодов жизни»⁸⁹. В глазах писателя, китайская нация находится в состоянии серьезного упадка. С. А. Васильева также полагает, что в гончаровской Вселенной Китай «состарился, едва достигнув отрочества»⁹⁰.

Описывая портреты китайцев, автор замечает: «...с длинными же, смугло-бледными, истощенными лицами...» (250), «У многих старческие физиономии <...> Ничего мужественного, бодрого» (257), «...этих то старческих, то хотя и молодых, но гладких, мягких, лукавых, без выражения энергии и мужественности физиономий и...» (261), «Среди этого увидишь старого китайца, с седой косой...» (262), «...сонного слуги-китайца...» (290), «...худощавое лицо, оловянные глаза...» (405), «Китайское семейство, как старшее и более многочисленное...» (596), «...китайцы и их родственники японцы— истощенная, непроходимо заглохшая нива. Китайцы – старшие

⁸⁹ Там же. С. 200.

⁹⁰ *Васильева С. А.* Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»... С. 16.

брatья в этой семье <...> как одряхлела и разошлась с жизнью...» (601), «Он не шел, не двигался, а только конвульсивно дышал, пав под бременем своего истощения» (601), «На лице апатия или мелкие будничные заботы. Да и о чем заботиться? Двигаться вперед не нужно: всё готово...» (603) и др. Исходя из этих выражений, напрашивается вывод, что «старость» и «Сон» доминируют в словесных портретах и характеристиках китайцев. По мнению писателя, китайцы находятся в серьезном, неподвижном, упадочном состоянии.

В главе «Гонконг» писатель критикует научную традицию в Китае: «...например, тяжелой, педантической, устарелой и ненужной учености, от которой люди дуреют. <...> Между тем китайский ученый не смеет даже выражать свою мысль живым языком: это запрещено; он должен выражаться, как показано в книгах» (355). Здесь эпитеты «тяжелый», «педантический», «устарелый», «ненужный», глагол «дуреть» носят отрицательный оттенок.

В других главах писатель повторяет: «Известно, что китайцы – ужасные педанты...» (428), «Ученость спокон века одна и та же; истины написаны раз, выучены и не изменяются никогда. У ученых перемололся язык...» (603); Гончаров критикует неподвижность науки в Китае. Такая научная традиция также соответствует «старости» китайцев.

Описание бедности и нищеты занимают важное место в словесных портретах китайцев. Изображая их внешность, автор употребляет эпитеты «полуголый», «голый», «нагой», «смуглый», «суетливый». В том числе слова «суетливый» и «смуглый» акцентируют внимание читателя на том, что им нужно много работать, чтобы заработать на хлеб.

В выражениях «Вот китаец, почти нищий, нагой, бежит проворно, в своей тростниковой шляпе, и несет на нитке какую-нибудь дрянь на обед, или кусок рыбы, или печенки, какие-то внутренности; вот другой с водой, с ананасами на лотке или другими фруктами, третий везет кладь на паре горбатых быков» (263) используется паратаксис (вот, вот другой, третий),

подчеркивается бедность китайцев.

В примере «...бедный и давно не бритый китаец...» (265) также ощущается бедственное положение китайцев. Описывая китайку Этола, автор изображает, как она все время повторяет, сколько денег ей нужно. Девушке нужно много работать, чтобы выжить.

Думается, бедность и нищета также являются доказательством «старости», неподвижности китайцев.

В китайских главах наблюдается социальные контрасты между простым народом и богатыми китайцами. Однако эти контрасты не так ярки, как в японских главах. По словам писателя, «...у богатых атласные подробнее...» (260), «Повыше сословия одеты прилично; есть даже франты в белоснежных кофтах и в атласных шароварах...» (288), «...то есть простые китайцы, народ <...> порядочные люди пьют только желтый чай...» (411).

Такие контрасты обнаруживаются в образах китайцев-слуг. Выражения «"Tea or coffee", — бессмысленно повторял он. "Tea, tea", — забормотал потом, понявши» (410), «...без того исковерканный английский язык» (421) показывают, что китайцы-слуги бедные и необразованные. На этом фоне отличается портрет китайца, служащего в доме англичанина Каннингама; он был хорошо одет и образован: «...нарядно одетый в национальный костюм...» (415), «...чисто по-английски, <...> китаец, одетый очень порядочно...» (437).

Это сопоставление показывает трагическое положение Китая и жителей республики: даже китайских слуг, которые по качеству своей жизни уступают европейским слугам.

В отличие от других глав, в китайских главах более ярко подчеркивается зависимость китайских рабочих от англичан. В связи с Первой Опиумной войной, Гонконг стал колонией Англии. Многие китайцы являются чернорабочими, они «упаковывают и распаковывают тюки, складывают в груды и несут на лодки <...> Китайцы одни бестрепетно наполняют улицы,

сидят кучами у подъездов, ожидая работы, носят в паланкинах европейцев. Всюду мелькают их голые плечи, спины, ноги и головы, покрытые только густо сложенной в два ряда косой» (287), они добровольно проживают в Гонконге под руководством англичан. Их даже не испугали «свирепствовавшие вначале эпидемические лихорадки» (287). Здесь также изображается бедность и нищета китайцев. Подчеркивая это, писатель пользуется паратаксистами (упаковывают, распаковывают, складывают; наполняют, сидят, носят).

В Шанхае писатель выступает как свидетель Тайпинского восстания — крупнейшего крестьянского движения в Китае, он описывает это событие в главе «Шанхай». Портреты китайцев в этой главе уникальны.

По словам Гончарова, «империалистами командует здесь правитель шанхайского округа Таутай Самква» (424), а осажденные инсургенты располагается внутри города; Таутай Самква вложил много усилий, чтобы выгнать инсургентов, но у него не получилось это сделать; империалисты и инсургенты изображаются жестокими. Описывая инсургентов, писатель сравнивает их с мухами, намекая на их количество и беспорядок, который они устраивают. По мнению писателя, как и рабочие китайцы в Гонконге, империалисты и инсургенты находятся под контролем англичан и американцев.

Сцена променада также отражает плачевное состояние страны: китайцев на их родной земле ограничивают иностранцы. Однако китайцы выступают в роли зрителей, «с любопытством» наблюдая за иностранцами. По словам писателя, «китайцы встречали или провожали замечанием каждого проезжего и смеялись. Особенно скачущие женщины возбуждали их внимание...» (423). Эти люди в глазах писателя консервативны, они не осознают свое зависимое положение и оказываются сонными.

В связи с жестоким отношением англичан к китайцам, писатель меняет личное отношение к этому народу, поэтому изменяются и словесные

портреты китайцев. В выражениях «Китаец сначала оторопел, потом с улыбкой подавленного негодования посмотрит вслед» (430); «А нет, конечно, народа смиреннее, покорнее и учтивее китайца, исключая кантонских: те, как и всякая чернь в больших городах, груба и бурлива. А здесь я не видал насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца: на лицах видишь почтительное и робкое внимание» (430) эпитеты приобретают положительную оценку. Китайцы в глазах писателя предстают потерпевшими или даже жертвами.

Далее автор упоминает начальника инсургентов — Тайпин-Ван, он является человеком, который считает себя и инсургентов христианами. По мнению писателя, «...европейцы сохраняют строгий нейтралитет...» (424); хотя «у этих и костюм другой: лба уже они не бреют, как унижительного, введенного манчжурами обычая» (429), инсургенты не являются настоящими христианами; самый серьезный недостаток китайцев — это «религиозный индифферентизм» (435). Несмотря на то, что китайцы поклоняются «небесным духам» (435), этот религиозный культ составляет «привилегию и обязанность только богдыхана» (435). Как считает писатель, единственный выход из бедственного положения для китайцев — это принятие христианства.

Например, Дяо Шаохуа полагает, что писатель уважает и сочувствует китайскому народу, ненавидит западных колонизаторов. Гончаров описывает тайпинское восстание крестьян и «Сяо-даохэ», но не может осознать суть происходящего. Он также неверно трактует отношение европейцев к восстанию⁹¹.

Однако, как считает С. Д. Муравейский⁹² и А. Г. Цейтлин⁹³, хотя Гончаров и не понимал сути народного восстания в Китае, он все же верно оценил отношение английских колонизаторов к восстанию.

⁹¹ См.: Дяо Шаохуа. И. А. Гончаров и Китай.

⁹² См.: Муравейский С. Д. И. А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада».

⁹³ См.: Цейтлин А. Г. «Фрегат "Паллада"». С. 382–391.

По мнению Д. И. Белкина, писатель уважает, симпатизирует инсургентам и сочувствует простому китайскому народу: «После пребывания в Шанхае пафос обличения европейских и американских колонизаторов становится заметной составляющей ориентальных глав "Фрегат "Паллада""»⁹⁴.

С нашей точки зрения, Гончаров неправильно понимает отношение европейцев к восстанию и саму суть бунта. Тайпинское восстание — крестьянская война против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов, которая ускорила развал феодального общества и задержала процесс колонизации Китая. В этом восстании также участвовали другие страны. Однако писатель не осознал такой характер восстания и героическое поведение инсургентов, считая, что европейцы придерживались строгого нейтралитета. В очерках «Фрегат "Паллада"» Гончаров меняет свое отношение к капитализму. В китайских главах писатель подчеркивает негативную роль европейцев в жизни Китая, однако он все же верит в прогресс, цивилизацию и переход страны на стадию капитализма. В словесных портретах инсургентов не прослеживается уважение, симпатия или сочувствие писателя к китайцам.

Следует отметить, что колониализм европейских стран на территории Китая ускоряет старение китайцев и является важной причиной сонного положения Китая.

В словесных портретах китайцев также можно обнаружить женские характеристики: «Купец, седой китаец, в синем халате, с косой...» (250), «...от которого тянется длинная коса...» (257), «Морщины и отсутствие усов и бороды делают их чрезвычайно похожими на старух. Ничего мужественного...» (257), «...только косы, чтоб не мешали, подобраны на затылке, как у женщин. У многих совершенно женские лица, гладкие; борода и усы почти не растут...» (277), «...длинная до пят коса...» (260), «...чесали длинные косы друг другу...» (261), «...является портной, с длинной косой...»

⁹⁴ Белкин Д. И. И. А. Гончаров о странах и народах Востока... С. 132.

(273), «Голова, разумеется, полуобрита спереди, а сзади коса» (274), «...китаец, одетый очень порядочно и похожий в своем костюме немного на наших богатых ярославских баб» (437) и др.

Писатель многократно описывает косы китайцев, это говорит о том, что они придерживаются древней традиции, которая указывает на их «старость».

Гончаров несколько раз изображает сцену, в которой китайцы чесали друг другу косы: «...чесали длинные косы друг другу или брили головы и подбородки. Они проводят за этим целые часы; это – их кейф» (261). Слово «кейф» носит отрицательный оттенок. С нашей точки зрения, писатель повторяет эту сцену, чтобы выразить свое негативное отношение к такому старому обычаю китайцев.

Одна из самых ярких и негативных характеристик словесных портретов китайцев — это отсутствие чистоты, их вопиющая неаккуратность.

В главе «От мыса Доброй надежды до острова Явы» писатель описывает старуху с «целым стогом волос на голове» (250); двух приказчиков, которые «...с длинными-предлинными, как черные змеи, косами <...> с ногтистыми, как у птиц когти, пальцами» (250). Гончаров использует грубое слово «стог» для описания женских волос, он сравнивает пальцы китайцев с птичьими когтями, волосы — с черными змеями, показывая неаккуратность этого народа. Эти сравнения носят комический характер, автор откровенно высмеивает характерную черту китайцев.

Писатель много раз подчеркивает противный, отравляющий запах, исходящий от китайцев: «Здесь собрано всё, чтоб оскорбить зрение и обоняние» (261), «Самый род товаров <...> большею частию, заставляет отворачивать глаза и нос» (261), «В другом месте вдруг пахнёт чесноком и тем неизбежным...» (262), «...опять охватили нас разные запахи...» (265), «...сквозь всевозможные запахи...» (285), «...такая же нечистота» (287), «Один запах сандалового дерева чего стоит! от дыхания, напитанного чесноком, кажется, муха умрет на лету» (350), «всего более мучил меня запах

проклятого растительного масла...» (402), «...отвратительного растительного масла...» (418), «Непривлекательна китайская кухня, особенно при масле, которое они употребляют в пищу!» (420) и мн. др.

Писатель помещает эту характеристику во все очерки и прямо выражает свое недовольство и отвращение. Он считает, что в такой нечистой среде «китайцы как-то веселее <...> они тут учредили свой маленький Китай – и счастливы!» (287); в Европе «они похожи там на рыб, которых из грязной, болотной речки пересадили в фарфоровый бассейн, наполненный прозрачную водою: негде спрятаться, приютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и выпачкать ближнего» (287). Здесь писатель использует иронию (эпитеты с позитивным колоритом как «веселый» и «счастливый» в отрицательном контексте), комическое сравнение (китайцы и рыбы из грязной, болотной речки), контраст между чистотой европейцев и нечистотой китайцев; высмеивая нечистоту и неаккуратность китайцев.

На наш взгляд, писатель уделяет такое большое внимание этой черте в связи с тем, что нечистота и запах произвели на писателя очень глубокое, более того, неприятное впечатление.

Гончаров рисует также женские портреты: «с оливковым цветом лица и с черными, немного узкими глазами, одеваются больше в темные цвета. С прической <...> и роскошной кучей черных волос, прикрепленной на затылке большой золотой или серебряной булавкой, они не неприятны на вид» (288–289). Здесь эпитеты «роскошный», «золотой», «серебряный» носят иронический оттенок: несмотря на все это, они все-таки выглядят неприятно и неопрятно в глазах писателя.

Нужно отметить, что самой заметной особенностью словесных портретов китайских женщин являются изуродованные ноги. В этом контексте набирает силу иронический колорит. Даже те женщины, у которых «уцелели в природном виде, те подделывают, под настоящую ногу, другую, искусственную, но такую маленькую...» (288). Писатель снова употребляет

иронию (глагол «уцелеть» с позитивным оттенком, однако это не согласовывается с тем, что китайские женщины не берегли свои ноги); автор изображает контраст между нормальными ногами и искусственно маленькими, усиливая негативный тон; он отрицательно относится к такому обычаю среди китайских женщин. Изуродованные ноги — эта традиция, также доказывающая «старость» китайцев.

Несмотря на все отрицательные черты китайцев, писатель отмечает их талант, стремление и способность к торговле. Эта мысль воплощается во всех главах очерков: «купцы большею частью китайцы...» (260), даже старый китаец с седой косой «...сидит и торгует...» (262); у домов китайцев нижний этаж занят лавкой, «а розничная торговля вся в руках китайцев» (265); китайский квартал «состоит из огромного ряда лавок с жильем вверху...» (287); «Там такие же лавки...» (287); китайскому народу «суждено играть большую роль в торговле, а может быть и не в одной торговле» (397), «Китайцы, напротив, сами купцы по преимуществу и, по меркантильному духу и спекулятивным способностям, превосходят англичан и американцев и не выпустят из своих рук внутренней торговли» (471) и др.

Это одна из самых заметных положительных особенностей словесных портретов и характеристик китайцев. Кроме способности к торговле, китайцы имеют талант к искусному рукоделию — это другая положительная характеристика китайцев. По словам писателя, они «...занимаются рукодельем...» (285), «...они и купцы, и отличные мастеровые...» (397), «Китайцы, как известно, отличные резчики на дереве, камне, кости. Ни у кого другого, даже у немца, не останется терпения так мелко и чисто выработать вещь, или это будет стоить бог знает каких денег» (415).

В отличие от других глав, в главе «Шанхай» писатель отдает китайцам справедливость, изображая не только их недостатки.

По его словам, «китайцы — живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь. Шум, суматоха, движение, крики и говор. На каждом

шагу попадаются носильщики. Они беглым и крупным шагом таскают ноши, издавая мерные крики и выступая в такт. Здесь народ не похож на тот, что мы видели в Гонконге и в Сингапуре: он смирен, скромен и очень опрятен. Все мужики и бабы одеты чисто, и запахов разных меньше по улицам, нежели в Гонконге, исключая, однако ж, рынков. Несет ли, например, носильщик груды кирпичей, они лежат не непосредственно на плече, как у нашего каменщика; рубашка или кафтан его не в грязи от этого. У него на плечах лежит бамбуковое коромысло, которое держит две дощечки, в виде весов, и на дощечках лежат две кучи красиво сложенных серых кирпичей. С ним не страшно встретиться. Он не толкнет вас, а предупредит мерным своим криком, и если вы не слышите или не хотите дать ему дороги, он остановится и уступит ее вам. Всё это чисто, даже картинно...» (412), «Тут с удивительною ловкостью пробираются носильщики с самыми громоздкими ношами, с ящиками чая, с тюками шелка, с охапкой хлопчатой бумаги, чуть не со стог сена» (417). Здесь писатель использует эпитеты с положительным оттенком — «живой», «деятельный», «мирный», «смирный», «скромный», «опрятный», «мерный», «чистый», «картинный», одобряя трудолюбие, выносливость, вежливость китайского народа. Таким образом, создается контраст между опрятностью китайцев в главе «Шанхай» и неопрятностью китайцев в остальных главах очерков.

В описании носильщиков употребляется паратаксисты (с чем, с чем, с чем, с чем, не с чем), заметно ощущается уважение писателя к тем чернорабочим, которые аккуратно и прилежно работают. Но все же даже при таком положительной оценочной характеристике заметна вопиющая бедность китайцев.

Когда писатель был в Шанхае, у него была возможность подробно ознакомиться с культурными местами Шанхая. Гончаров живо и образно воспроизводит жизнь китайцев в Шанхае того времени. Словесные портреты и характеристики китайцев в Шанхае разнообразные, интересные и

живописные.

Например, в выражениях «а на ней расположился другой китаец и сладострастно жмурится, как кот...» (413), «...откуда, как тараканы из щели, выходили китайцы...» (428) используется сравнение (китаец с котом, китайцы с тараканами), изображаются комические образы китайцев.

Писатель рисует хитрых пиратов: «Сегодня они купцы, завтра рыболовы, а при всяком удобном случае — разбойники. Старшего над ними, кажется, никого нет: сегодня они там, завтра здесь и всегда избегнут всякого правосудия» (397). Паратаксисты (сегодня, завтра; купцы, рыболовы, разбойники; там, здесь) подчеркивают хитрость китайских пиратов.

Словесные портреты крестьян объективные: «...несмотря на запах, на жалкую бедность, на грязь, нельзя было не заметить ума, порядка, отчетливости, даже в мелочах полевого и деревенского хозяйства» (422); писатель отмечает не только их недостатки, но и достоинства.

Он достаточно живописно и ярко изображает сцену похорон: «Носильщики поставили гроб, женщины выли, или "вопили", как говорят у нас в деревнях. Четыре из них делали это равнодушно, как будто по долгу приличия, а может быть, они были и нанятые плакальщицы; зато пятая, пожилая, заливалась горькими слезами. Те, заметив нас, застыдились и понизили голоса <...> Пятая женщина не обращала ни на что внимания; она была поглощена горем. Рыдая, она что-то приговаривала <...> Она бросалась на гроб, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потом со стоном начинала опять свою плачевную песнь» (439–440). Здесь автор сопоставляет разные реакции женщин, используя гиперболы (заливалась горькими слезами; поглощена горем), паратаксисты (бросалась, обнимала, клала, умолкала, начинала).

Писатель не обходит стороной и несколько раз описывает сцену, когда китайцы ловко едят рис палочками: «...уплетают двумя палочками вареный рис <...> этими же палочками необыкновенно ловко какие-то кусочки и едят»

(265), «...проворно перекладывая двумя палочками рис из чашек в рот...» (422), «...китайские матросы <...> с неописанным проворством ели двумя палочками рис» (438) и др. Это также представляет собой отличительную черту словесных портретов и характеристики китайцев.

Как и в японских главах, писатель рисует не только словесные портреты массовых китайцев, но и акцентирует внимание читателя на отдельном, индивидуальном образе представителя Китая.

В качестве примера справедливо отметить, что писатель изображает портрет двух китайцев, которые «несли на плечах, с признаками большой осторожности и даже, кажется, уважения, такую корзину, в которой небрежно покоилась свинья» (267). Очевидно, что в данном описании автор использует иронию (люди с признаками большой осторожности и уважения в отношении свиньям), высмеивая их.

Во главе «Ликейские острова» писатель изображает словесный портрет и характеристику Ача: «Она нехороша собой, но лицо, однако ж, привлекательно. Она была бойкая женщина и говорила по-английски почти как англичанка. На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надетое как-то на плечо, вроде цыганской шали, белые чистые шаровары; прекрасная, маленькая, но не до уродливости нога, обутая по-европейски» (515). Эпитеты «привлекательный», «бойкий», «прекрасный» носят позитивный оттенок. Словесный портрет Ача положителен, так как в целом она была хорошо одета и образована.

§3. Сопоставление образов японцев и китайцев

Абсолютно очевидно, что словесные портреты и характеристики японцев и китайцев видоизменяются в глазах Гончарова по мере увеличения его познаний о японцах и китайцах. Писатель постепенно приходит к мысли о том, что Япония и Китай — это крайний Восток и, делая выводы об этих странах, следует отстраниться от европеизированной логики. Концепция стадильности Гончарова занимает важнейшее место в словесных портретах

и характеристиках японцев и китайцев.

В заключение следует отметить, что образы японцев разделяется на две важнейшие группы. Первая группа представляет собой прогрессивную силу Японии. Данная категория состоит лишь из малой части японцев. В эту группу, к примеру, входит полномочный Кавадзи. Словесные портреты и характеристики этой группы японцев оцениваются как положительные. Писатель считает, что люди из данной категории умны, аккуратны, они понимают, что «политика закрытых дверей» абсолютно вредна для Японии, и страну непременно ждут изменения и реформы.

Вторая группа состоит из большинства японцев и является застойной силой Японии. Как правило, портреты и характеристики, дающие оценочный характер представителям Японии в данной группе, носят отрицательный колорит. Данный контингент людей являются приверженцами консерватизма, не осознающими актуальное положение Японии и не желающими изменений в состоянии государства. Самыми общими чертами японцев являются строгое соблюдение закона, уважение и подчинение младших старшим, а также «женственность» в описании их внешности.

Сущность словесных портретов и характеристик японцев заключается в комплексе мотивов «детскости» («Пробуждения») и «старости» (Сна»), которые в свою очередь объединяют словесные портреты и характеристики японцев в единую систему.

Писатель объективен: Гончаров видит в японцах как их достоинства, так и их недостатки. Воображение и собственные необоснованные доводы писателя о жизни японского народа, играют важную роль в составлении словесных портретов и характеристик японцев. Однако эти образы иногда субъективны и далеки от действительности.

Словесные портреты и характеристики китайцев распространяются на многие главы, так как китайцы упоминаются практически в каждой главе очерков «Фрегат "Паллада"». Можно отметить, что образы китайцев

отрицательны: ими владеют «старость» и «Сон».

Самые общие особенности словесных портретов и характеристики китайцев — это отсутствие чистоты и неприятный запах, а также бедность, зависимость народа и страны, женственность, религиозный индифферентизм, способность к торговле и рукоделию.

Следует отметить, что словесные портреты и характеристики инсургентов уникальные и очень значимые. Однако писатель не смог их правильно понять в связи с идейной ограниченностью.

Нужно отметить, что словесные портреты и характеристики японцев и китайцев описаны мастерским, живым, образным и юмористический языком.

В очерках «Фрегат "Паллада"» писатель не раз рассуждает о сходстве японского и китайского народа. Он считает, что японцы и китайцы — два родственных народа, поэтому они очень похожи. Их объединяет не только внешность, но и нравы: «сравните японское воспитание с китайским: оно одинаково» (332), «одна и та же привилегированная, древняя религия синто, или поклонение небесным духам...» (332), «затем одинакое трудолюбие и способности к ремеслам, любовь к земледелию, к торговле, одинакие вкусы, один и тот же род пищи, одежда...» (332), «и те и другие подозрительны, недоверчивы: спасаются от опасностей за системой замкнутости, как за каменной стеной...» (332).

Однако японцев и китайцев многое отличает. Например, японцы ввели традицию сидеть и обедать на полу в то время, как китайцы не делают этого. Однако самое существенное отличие заключается в том, что японцы изображаются детьми, которые следуют руководству старших; а китайцы, по словам Гончарова, «едва достигли отрочества и состарились» (602).

Писатель крайне озабочен нынешним положением и ближайшим будущим Японии и Китая: «у китайцев нет национальности, патриотизма и религии...» (602), в китайцах «успело развиться и закоренеть индивидуальное и семейное начало и не дозрело до жизни общественной и государственной...» (602),

«после семейства китаец предан кругу частных своих занятий» (602), «японцы народ более тонкий и, пожалуй, более развитой: и немудрено – их вдесятеро меньше, нежели китайцев» (604), «японцы надежнее китайцев к возделанию...» (604). Одним словом, по сравнению с китайцами, японцам легче удастся меняться, они лучше усваивают либерализм, так как они моложе и им проще отречься от своих устаревших традиций и консерватизма.

Глава 2. Место «восточных» глав в очерках «Фрегат "Паллада"»

§1. Мир Японии

Исследователи пришли к общему выводу о том, что композиция очерков «Фрегат "Паллада"» является единой и целостной. Е. А. Краснощекова определила «Фрегат "Паллада"» как «сложное художественное единство, обладающее и особой композиционной организацией, и изысканным стилем»⁹⁵. Исследователь считает, что мысль Гончарова о единой природе всех людей и народов позволяет писателю изобразить Земную Вселенную как единство.

М. В. Отрадин не раз замечал, что в очерках «Фрегат "Паллада"» наблюдается единый мир, в котором «жизнь идет по одним законам»⁹⁶. В последней статье он также рассмотрел очерки как композиционное единство, в котором наблюдаются не только синтагматическая последовательность, но и парадигматические связи. Более того, объединение природы и человека («космос») также доказывает мысль о единстве очерков⁹⁷.

В. А. Михельсон полагает, что судьбы народов, развитие истории и цивилизации описываются Гончаровым как неделимый предмет, соединяющий все изображаемое в единые образы и картины. В очерках существует ряд композиционных взаимосвязей: образы и мотивы меняются и повторяются⁹⁸. В другом исследовании литературовед утверждает, что очерки представляют собой строгое единство и связь между образами, а в

⁹⁵ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 134.

⁹⁶ Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. С. 82.

⁹⁷ См.: Отрадин М. В. «Манила» на пути автора «Фрегата "Паллада"». С. 89–94.

⁹⁸ См.: Михельсон В. А. Закованные берега: Этюды о «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова.

композиции нет ничего лишнего или случайного⁹⁹.

Н. В. Покатилова подчеркивает, что в книге Гончарова «Фрегат "Паллада"» наблюдается сюжетно-композиционное единство¹⁰⁰. По мысли С. Н. Гуськова, в очерках соединяются внешний сюжет (хроника путешествия) и сюжет глубинный, литературный¹⁰¹.

О. В. Юркина рассмотрела «Фрегат "Паллада"» как единый текст с точки зрения лексики. По ее мнению, в очерках наблюдается единая семантико-стилистическая система, которая «говорит о творческом синтезе в авторской поэтике "путешествия" различных "взглядов на мир"»¹⁰².

Мы разделяем мнение исследователей о единстве композиции очерков, т. е., концепцию о гончаровской Вселенной. С одной стороны, человек и жизнь народа всегда находятся в центре внимания писателя. Образ Англии, острова Мадеры, мыса Доброй надежды, Китая, Японии, Манилы, России и соответствующие мотивы связываются друг с другом и составляют единую и целостную композицию очерков. Кроме образов и мотивов, такие общие понятия, как «Просвещение» и «Цивилизация», «Сон» и «Пробуждение», «Колониализм», проникают во все очерки, являются общими темами и соединяют все главы очерков в Земную Вселенную Гончарова. С другой стороны, очерки строятся в соответствии с хроникой путешествия писателя, что также создает композиционное единство. Таким образом, не случайно, что две японские главы оказались порознь, так как писатель фиксировал свои впечатления по ходу путешествия.

⁹⁹ См.: *Михельсон В. А.* Об идейном содержании и композиции очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» (глава «Атлантический океан и остров Мадера») // *Русская и зарубежная литература: статьи и материалы.* Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1961. С. 119–145.

¹⁰⁰ См.: *Покатилова Н. В.* «Фрегат "Паллада"» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840-1850-х годов...

¹⁰¹ См.: *Гуськов С. Н.* Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат "Паллада"» // *Литература в школе.* 2003. № 5. С. 9–14.

¹⁰² *Юркина О. В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя (Особенности языка природоописаний в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"») // *Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология.* Сыктывкар, 2005. Вып. 6. С. 112.

Как уже говорилось выше, сущность словесных портретов и характеристик японцев состоит в совмещении «детскости» («Пробуждения») и «старости» («Сна»). Исходя из этого утверждения, можно рассмотреть «детскость» и «старость» как главные мотивы в образе японцев. В таком случае «детскость» соответствует мотиву «Пробуждения», «изнеженности» и «любопытства»; а «старости» — мотиву «Сна», «старчества», «ветхости», «дряхлости».

О своем художественном методе Гончаров говорил: «У меня есть один образ и вместе главный мотив: он-то и ведет меня вперед»¹⁰³. Это отражается и в японских главах: обозначенные мотивы проникают во все японские главы и объединяют их в единую систему — «мир Японии». Несмотря на то, что в очерках две японские главы располагаются отдельно, они гармонично составляют «мир Японии». «Мир Японии» вместе с другими мирами составляют Земную Вселенную Гончарова. В этом контексте каждая глава, каждый мир необходим.

«Мир Японии» занимает особое место в структуре и композиции очерков «Фрегат "Паллада"». Самым наглядным доказательством служит то, что второй том открывается именно японской главой, наиболее объемной по сравнению с другими.

Главное место в первом томе очерков занимает английская глава и глава о мысе Доброй надежды, которые можно рассмотреть в сопоставлении. Англия — мир развитый, современный, в образе этой страны доминирует мотив «машины»; а мыс Доброй надежды — этот мир зависимый от европейцев, отсталый, в нем звучит тема колониализма и борьбы с ним. С одной стороны, главы об Англии и мысе Доброй надежды являются кульминацией первого тома; с другой стороны, они выступают как два противоположных полюса. Если рассматривать английскую главу как тезис, то глава о мысе Доброй надежды служит антитезисом.

¹⁰³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8-м т. / под общ. ред. В. А. Недзвецкого, К. И. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1980. Т. 8. С. 105.

Второй том начинается с японской главы, которую можно считать новым тезисом. «Мир Японии», в отличие от глав об Англии и мысе Доброй надежды, замкнутый, закрытый, изолированный, неразвитый, но имеющий потенциал. Во втором томе кульминацией служат японские главы и глава Манилы. Писатель мечтает о Японии и Маниле, открытой и экзотичной. Сибирские главы, завершающие очерки, можно рассмотреть в качестве синтеза. В этих главах цивилизация и прогресс постепенно набирают силу, не оказывая отрицательное влияние на остальной мир.

Стоит отметить, что В. А. Недзвецкий выдвинул теорию о «творческом силлогизме»¹⁰⁴, который включает в себя «тезис», «антитезис» и «синтез». По его словам, Англия — это тезис; Мадера — антитезис; а Капская колония — синтез. Вместе с тем Япония — это тезис; Китай — антитезис; а Корея — попытка синтеза. «Смена образа-тезиса образом-антитезисом и их обоих образом-синтезом»¹⁰⁵ является основополагающим художественным алгоритмом всех очерков «Фрегат "Паллада"». Сингапур и Гонконг, равноценные Ликейским островам и Маниле, представляют собой своеобразную периферию глубоко концептуальной и целостной <...> художественной "картины мира" ...»¹⁰⁶.

Е. П. Истомина также рассмотрела авторское мышление так: «вводя тезис, Гончаров противопоставляет ему антитезис и идет по пути поиска синтеза между ними»¹⁰⁷. Она считает, что мир Англии — это исходный тезис путешествия.

Мы обратились к идее В. А. Недзвецкого о тезисе, антитезисе и синтезе очерков, однако несколько переосмыслили ее.

Стоит напомнить, что главная цель экспедиции русской эскадры заключалась в том, чтобы подписать торговый договор с Японией. Долгое

¹⁰⁴ Недзвецкий В. А. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра. С. 48.

¹⁰⁵ Там же. С. 50.

¹⁰⁶ Там же. С. 52.

¹⁰⁷ Истомина Е. П. Мотив границы в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». С. 66.

время Япония оставалась закрытой для внешнего мира, поэтому можно сказать, что Гончаров выступал как первооткрыватель «мира Японии» среди русских писателей. Таким образом, японские главы в своем роде уникальны. Они позволяют русским читателям ознакомиться с загадочной Японией.

В начале главы Гончаров пишет: «Вот достигается наконец цель десятимесячного плавания, трудов» (314). Изначально писатель проявлял интерес к японской нации и, разумеется, придавал японским главам большое значение.

Стоит отметить, что только первая японская глава состоит из собственно очерка и «Дневника» — это и определяет оригинальность японских глав.

С нашей точки зрения, можно считать японские главы кульминацией всех очерков. Во-первых, тайна кругосветного путешествия постепенно приоткрывается именно здесь: «9-го августа <...> завидели мы тридцатое государство (313–314), «Вот этот запертой ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными усилиями склонить...» (314), «Настала наконец самая любопытная эпоха нашего пребывания в Японии: завязывается путем дело, за которым прибыли, в одно время, экспедиции от двух государств» (448). Во-вторых, после пребывания в Японии русская эскадра, включая писателя, отправилась в обратный путь, путешествие подходило к концу и больше не возобновлялось. В-третьих, один из самых важных конфликтов очерков — конфликт между местными людьми и иностранцами — освещается иначе, чем в других главах: даже у иностранцев нет доступа к главной территории Японии, не говоря уже о колонизаторах. Несмотря на то, что Япония в то время оставалась изолированной от остального мира страной, писатель верил, что это закончится, и Япония станет открытым и развитым государством. Это и является одной из самых главных мыслей Гончарова.

Таким образом, японские главы обладают значительной структурной и композиционной ролью в очерках «Фрегат "Паллада"» Гончарова.

Являясь составляющей частью гончаровской Вселенной, японские главы тесно связываются с другими, особенно с китайскими главами и главами о корейцах, ликейцах. Писатель часто сравнивает японцев с китайцами и не раз рассуждает о восточных нациях (китайцы, японцы, корейцы и ликейцы). Пожалуй, самые любопытные замечания писателя об этих народах помещены в первую японскую главу и в главу «От Манилы до берегов Сибири». По мнению писателя, они происходят из одного семейства, в котором китайцы выступают в качестве предков, на которых похожи японцы, корейцы и ликейцы. Именно такая, по мнению Гончарова первоначальная и генетическая связь обуславливает то, что между японскими, китайскими, корейскими и ликейскими главами существует неременная связь.

Выступая в качестве тезиса во втором томе и кульминации всех очерков, японские главы также связываются с другими главами.

Стоит отметить, что по мысли Е. А. Краснощековой, «Мир Японии» в гончаровской Вселенной «самодостаточен и художественно завершен, более того — это самый гончаровский из всех "миров", поскольку, создавая его, писатель выступал, в значительной степени, в роли первооткрывателя»¹⁰⁸. «Мир Японии» «равновелик другим частям гончаровской Вселенной, а сами японцы — естественная часть человечества, как оно виделось писателю»¹⁰⁹.

Как видно из первой главы, писатель постепенно меняет свое отношение к японцам: финальные рассуждения противоречат начальным.

По мнению В. А. Михельсона, для композиции очерков «Фрегат "Паллада"» характерен двойной композиционный ряд — к концу главы наблюдается резкое изменение событий¹¹⁰. Именно такой «двойной композиционный ряд» обнаруживается между двумя японскими главами. С одной стороны, эти главы соединяются в «мир Японии» с помощью общих мотивов; с другой стороны, они отличаются: в первой главе писатель только

¹⁰⁸ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 182.

¹⁰⁹ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 197.

¹¹⁰ См.: Михельсон В. А. Закованные берега: Этюды о «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова.

знакомится с нацией, а во второй — углубляется в познание ранее неизвестного ему народа. При этом изображение японцев во второй главе «Русские в Японии» является более объективным.

В составе русской эскадры Гончаров проводит в Японии большую часть времени своего путешествия, поэтому в течение этого периода писатель переосмысливает свое отношение к этой стране.

Сначала он восхищается японским пейзажем, удивляясь его своеобразию и красоте: «Что это такое? декорация или действительность? какая местность! <...> Нет ничего страшного; всё улыбающаяся природа: за холмами, верно, смеющиеся долины, поля...» (319), «Но какие виды вокруг! что за перспектива вдали! ...» (320) и др. Далее пейзаж теряет свое очарование в глазах писателя из-за своей безлюдности и монотонности: «Зачем же, говорю я, так пусты и безжизненны эти прекрасные берега? зачем так скучно смотреть на них...» (323), «...чувствовалась и особенно предчувствовалась скука. Я бы охотно променял Японию на Манилу, на Бразилию или на Сандвичевы острова – на что хотите. Не скучно ли видеть столько залогов природных сил, богатства, всяких даров в неискусных, или, скорее, несвободных, связанных какими-то ненужными путями руках!» (323), «Мы с любопытством смотрели на великолепные берега пролива, мимо которых ехали. Я опять не мог защититься от досады, глядя на места, где природа сделала с своей стороны всё, чтоб дать человеку случай приложить и свою творческую руку и наделать чудес, и где человек ничего не сделал...» (347) и др.

Писателю надоедает рутинная жизнь Японии: «Дни мелькали за днями: вот уже вторая половина августа. Японцы одолели нас» (330), «Время между тем тянулось и наконец дотянулось до 9-го сентября. Ждали ответа из Едо, занимались и скучали, не занимались – и тоже скучали» (336), «В Японии, напротив, еще до сих пор скоро дела не делаются и не любят даже тех, кто имеет эту слабость» (455) и др. Однако Гончаров все же не теряет интерес к новому: «Берег! берег! Наконец мы ступили на японскую землю» (348),

«...Недавно я еще катался тут. Вон и бухта, которую мы осматривали, вон Паппенберг, все знакомые рытвины и ложбины на дальних высоких горах, вот Каменосима, Ивосима, вон, налево, синее море Номо, а вот и простор, беспредельность, море!» (393), «В первый раз в жизни случилось мне провести последний день старого года как-то иначе, непохоже ни на что прежнее» (452) и др.

Здесь очевиден двойной композиционный ряд: во-первых, переход от восхищения пейзажем к потере интереса к нему; во-вторых, переход от скуки и недовольства работоспособностью японцев к стремлению узнать новое о стране. Такой принцип композиции является структурной особенностью японских глав.

Следующая особенность композиции японских глав заключается в ряде рассуждений, которые можно рассмотреть как лирические отступления. В этих фрагментах доминируют две основные темы: размышления о судьбе Японии и сравнение японцев с китайцами.

В японских главах можно найти не менее пятнадцати отступлений такого рода: «Если не нам, то американцам, если не американцам, то следующим за ними — кому бы ни было, но скоро суждено опять влить в жилы Японии те здоровые соки, которые она самоубийственно выпустила вместе с собственной кровью из своего тела, и одряхла в бессилии и мраке жалкого детства» (353–354), «Если и Японии суждено отворить настежь ворота перед иностранцами, то это случится еще медленнее; разве принудят ее к тому войной <...> Или другим способом: привезти опиум, и когда станут принимать против этого строгие меры, тоже объявить войну» (471–472) и др.

Здесь стоит упомянуть концепцию М. С. Горенштейна и Д. И. Белкина. По словам М. С. Горенштейна, «особенностью композиции путевых очерков является наличие внефабульных компонентов — описаний и рассуждений»¹¹¹. Д. И. Белкин полагал, что структурная особенность японских глав

¹¹¹ Горенштейн М. С. Путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»... С. 14.

заключается в том, что чем больше писатель узнавал о Японии и раскрывал историческую обреченность патриархальной замкнутости, тем «решительнее обнаруживала себя социальная интуиция художника»¹¹². Эта композиционная особенность придает японским главам динамический характер.

С этими заключениями трудно не согласиться. Можно сказать, что лирическое отступление о судьбе Японии, имеющее принципиальное значение для очерков, придает японским главам динамический характер.

Экзотический пейзаж Японии привлекает внимание писателя: описание природы пронизывает первую японскую главу и является одним из ее композиционных принципов. Однако во второй главе эта особенность отсутствует: писатель уже изобразил японский пейзаж в первой главе и не считает нужным описывать его снова.

Гончаров рисует пейзаж следующим образом: «Все собрались на юте, любуясь на зеленые, ярко обливаемые солнцем берега» (314), «...с зелеными, холмистыми берегами, усеянными хижинами, батареями, деревнями, кедровником и нивами <...> эта зелень, яркая на близких, бледная на дальних холмах, – всё так гармонично, живописно...» (320), «Вон тот холм, как он ни зелен, ни приютен, но ему чего-то недостает: он должен бы быть увенчан белой колоннадой...» (347), «Нет вершка необработанной земли, и всё в гору, в гору...» (385) и др. С одной стороны, перед читателем предстает процветающая природа («зеленый», «зелень», «яркий», «живописный», «нет вершка необработанной земли»), которая перекликается с «детскостью» японцев; с другой стороны, создается ощущение, что этой природе не хватает жизнеспособности («чего-то недостает»), которая соответствует «старости» японцев. Таким образом, пейзаж занимает важную роль в японских главах, он совпадает с главными характеристиками японцев.

Стоит отметить, что самым важным композиционным принципом в японских главах является описание японского народа, на которое писатель

¹¹² Белкин Д. И. И. А. Гончаров о странах и народах Востока... С. 134.

обращает особое внимание. Более того, сочетание описания человека и природы представляет собой другой важный композиционный принцип.

А. В. Дружинин, один из первых критиков, обративших внимание на очерки, считал, что автор оказался совсем не похожим на путешественника, где бы он ни побывал, он возвращался прежним¹¹³. Несмотря на то, что А. В. Дружинин преувеличивает важность образа России в японских главах, этот образ нельзя игнорировать, так как лирический герой и русская эскадра формируют образ России. Образ России проникает во все очерки и выполняет связующую функцию между разными главами гончаровской Вселенной.

Таким образом, третьим композиционным принципом в японских главах является проникновенное описание образа России. Трудно не согласиться с Е. П. Истоминой, которая считает, что «не случайно заголовок главы звучит как "Русские в Японии", что подчеркивает новое понимание границ пространства, возможность пересечения и равновесного диалога различных его национально-культурных координат»¹¹⁴. Можно лишь добавить, что только в заголовках двух японских глав («Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов» и «Русские в Японии») подчеркивается слово «русские» и обнаруживается такой композиционный принцип.

В двух японских главах описывается множество встреч и переговоров между японскими и русскими чиновниками. Самая важная среди них — встреча в первой японской главе — официальное знакомство русских с японским губернатором; во второй японской главе — переговоры русских с японскими полномочными.

Как уже говорилось выше, в Японии наблюдается строгий подчинительный режим: губернаторы подчиняются полномочным. Таким образом, можно сказать, что переговоры между русскими и японскими полномочными являются кульминацией двух японских глав; а кульминацией

¹¹³ См.: Дружинин А. В. «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»... С. 1–26.

¹¹⁴ Истомина Е. П. Мотив границы в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». С. 69.

первой японской главы — встреча между русскими и японским губернатором. Более того, переговоры совпадают с целью русской эскадры, но они оканчиваются неудачей.

Г. П. Козубовская и Т. М. Борисова считают, что первая и вторая части японских глав похожи, но в то же время отличаются друг от друга. Вторая часть «представляет эмпирический (необработанный) материал, из которого вырастает I часть»¹¹⁵, в ней наблюдается терпимость и мудрое принятие жизни, исчезает юмор, усиливается ирония, и деталей становится меньше. Однако образ «тюрьмы» соединяет две части японских глав в структурное единство.

Однако нельзя согласиться с высказыванием о необработанности материала во второй японской главе. В этой части предметом изображения служит то, чего не было в первой главе. Более того, кульминация японских глав находится во второй главе.

§2. Мир Китая

По аналогии с японскими главами, в очерках «Фрегат "Паллада"» существует также две китайские главы — «Гонконг» и «Шанхай»; глава «Гонконг» находится в первом томе, а «Шанхай» — во втором. Следуя хронике путешествия писателя, эти главы находятся порознь. Они также являются неотъемлемой частью Земной Вселенной Гончарова.

В первой главе мы уже выяснили, что «старость» («Сон») играет важную роль в словесных портретах и характеристиках китайцев. Соответственно, главный мотив для Китая — это мотив «сна», «обветшалости». В связи с социальной обстановкой Китая того времени, образ европейцев играет важную роль и пронизывает все китайские главы. Таким образом, доминирующие в китайских очерках образы и мотивы объединяют две главы, т. е., в «мир Китая».

¹¹⁵ Козубовская Г. П., Борисова Т. М. Путешествие на Восток в романе И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». С. 16.

По мнению Е. А. Краснощековой, «отдельные зарисовки Китая и китайцев, пусть и достаточно обширные, не сложились во "Фрегате "Паллада"" в единый образ — "мир Китая"»¹¹⁶. Здесь речь идет об описании Китая и китайцев во всех очерках. Но мы принимаем во внимание только две китайские главы, в рамках которых складывается «мир Китая».

На наш взгляд, китайские главы не являются главными в очерках «Фрегат "Паллада"». Глава «Гонконг» располагается почти в конце первого тома и мала по объему. Так как в то время Гонконг являлся колонией Англии, можно присоединить главу «Гонконг» к главе мыса Доброй надежды (антитезис).

Глава «Шанхай», находящаяся во втором томе после первой японской главы, играет более важную роль в гончаровской Вселенной, чем «Гонконг». Несмотря на сходства Китая и Японии, страны занимают совершенно разные позиции по отношению к иностранцам. В отличие от Японии, Китай доступен европейцам, которые обладают большей властью в Шанхае. Таким образом, глава «Шанхай» занимает промежуточную позицию между тезисом, японскими главами, и антитезисом, — главой Манилы.

Стоит отметить, что в главе «Шанхай» писатель выступил в качестве свидетеля Тайпинского восстания. Несмотря на то, что он не понимает сущности восстания, описание народного бунта, в том числе инсургентов, империалистов и «Сиао-даохэ» имеет оригинальное, актуальное значение и придает главе «Шанхай» уникальность.

Однако нужно отметить, что писатель от начала и до конца не проявляет большого интереса к Китаю. В начале главы «Гонконг» он прямо говорит: «...Всё равно: я хочу только сказать вам несколько слов о Гонконге, и то единственно по обещанию говорить о каждом месте, в котором побываем, а собственно о Гонконге сказать нечего...» (284), «Дня три я не сходил на берег: нездоровилось и не влекло туда, не веяло свежестью и привольем» (285).

Писателю и русской эскадре пришлось временно отбыть из Японии в

¹¹⁶ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 198-199.

Шанхай в связи с обстановкой в Европе того времени и с необходимостью установления связи с внешним миром и пополнения провизии. Такого отношение Гончарова к Китаю обнаруживается в шанхайской главе: «Вчера наши уехали на шкуне в Шанхай. Я не поехал, надеясь, что успею: мы здесь простоим еще с месяц. Меня звали, но я не был готов, да пусть прежде узнают, что за место этот Шанхай, где там быть и что делать? пускают ли еще в китайский город? А если придется жить в европейской фактории и видеть только ее, так не стоит труда и ездить...» (398), «Я еще не был здесь на берегу – не хочется, во-первых, лазить по голым скалам, а во-вторых, не в чем...» (399–400), «Меня зовут в Шанхай: опять раздумье берет, опять нерешительность – да как, да что? Холод и лень одолели совсем, особенно холод, и лень тоже особенно...» (400), «Все, кто хотел ехать, начали собираться, а я, по своему обыкновению, продолжал колебаться, ехать или нет, и решил не ехать» (401), «Мы скучно и беспечно жили до 15-го декабря...» (441), «Прощайте! Не сетуйте, если это письмо покажется вам вяло, скудно наблюдениями или фактами и сухо; пеняйте столько же на меня, сколько и на Янсекия и его берега: они тоже скудны и незанимательны, нельзя сказать только сухи; немудрено, что они так отразились и в моем письме» (442).

Таким образом, следует заключить, что китайские главы занимают органичное место в гончаровской Вселенной. С одной стороны, писатель не считал Китай очень интересным и лишь по обещанию был вынужден фиксировать происходящее. С другой стороны, Китай — неотъемлемая часть развивающейся картины мира, которая изображается в очерках. Как уже было доказано выше, китайские главы находятся в рамках тезиса, антитезиса и синтеза. Они тесно связываются с другими главами очерков.

Наглядным доказательством служит то, что китайцы существуют во всех главах очерков «Фрегат "Паллада"». Писатель сравнивает китайцев с собой и с другими нациями в других главах: «...сравнил англичан с китайцами по

мелочной, микроскопической деятельности, по стремлению к торгашеству и по некоторым другим причинам» (47), «Китайцы светлее индийцев, которые все темно-шоколадного цвета, тогда как те просто смуглы; у них тело почти как у нас, только глаза и волосы совершенно черные...» (256), «Как им ни противно быть в родстве с китайцами, как ни противоречат этому родству некоторые резкие отличия одних от других, но всякий раз, как поглядишь на оклад и черты их лиц, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою...» (331), «Здесь народ не похож на тот, что мы видели в Гонконге и в Сингапуре: он смирен, скромн и очень опрятен...» (412) и мн. др. Это и доказывает, что между китайскими и остальными главами очерков есть принципиальная связь.

Между китайскими главами и главами о других восточных нациях существует органическая связь, так как китайская цивилизация повлияла на развитие других восточных наций.

Стоит отметить, что именно в китайских главах обостряется отношение писателя к европейцам: «Но и тех и других англичане и американцы держат в руках. Посыет видел, как два всадника, возвращаясь из города в лагерь, проехали по земле, отведенной для прогулок англичанам, и как английский офицер с "Спартана" поколотил их обоих палкой за это, так что один свалился с лошади...» (429– 430), «Вообще обращение англичан с китайцами, да и с другими, особенно подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот, который они, пожалуй, не бьют, даже холят, то есть хорошо кормят, исправно и щедро платят им, но не скрывают презрения к ним...» (430), «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать: не китайцы ли англичан своею вежливостью, кротостью да и умением торговать тоже» (430) и др. Такое обострение конфликта между китайцами и европейцами сочетает китайские главы с другими: в том числе с главой английской, сибирской и главой мыса

Доброй надежды. Более того, это обострение придает китайским главам определенное значение для композиции. В этой связи справедливо замечание Ван Лицзю: образ Китая занимает органичное место в концепции произведения¹¹⁷.

Как и в японских главах, важнейшим композиционным принципом в китайских главах является то, что жизнь китайского народа привлекает внимание писателя. Изображение человека и природы в единстве мира — другой принципиальный композиционный метод. Как было доказано выше, описание образа европейцев и темы колонии проникает в китайские главы, образуя третий композиционный принцип.

Начало китайских глав сосредоточено на описании пейзажа — особенности композиционной структуры китайских глав.

Главу «Гонконг» Гончаров открывает пейзажной зарисовкой: «...Глядите на местность самого островка Гонконга, и взгляд ваш везде упирается, как в стену, в красно-желтую гору, местами зеленую от травы. У подошвы ее, по берегу, толпятся дома, и между ними, как напоказ, выглядывают кое-где пучки банановых листьев, которые сквозят и желтеют от солнечных лучей, да еще видна иногда из-за забора, будто широкая метла, верхушка убитого солнцем дерева. Зато песку и камней неистощимое обилие. Англичане сумели воспользоваться и этим материалом. На высотах горы, в разных местах вы видите то одиноко стоящий каменный дом, то расчищенное для постройки место: труд и искусство дотронулись уже до скал...» (284–285). Здесь мы видим два Гонконга — один старый (листья желтеют, убитое дерево), другой, испытавший влияние Англии, более современный (стоящий каменный дом, расчищенное место). Это соответствует теме старости китайцев и колониализму.

В начале главы «Шанхай» описание пейзажа таково: «...над ним, как исполинская ширма, стоит сизая туча с полосами дождя. Пасмурно; дождь

¹¹⁷ См.: Ван Лицзю. Образы Китая и Японии в художественной концепции «Фрегата "Паллада"» И. А. Гончарова...

моросит; в воздухе влажно, пахнет немного болотом <...> глядя на группу совершенно голых, темных камней...» (395), «Но что за безотрадные скалы! какие дикие места! ни кустика нет» (398) и др. В том числе «сизая туча», «пасмурно», «пахнет болотом», «голые камни», «безотрадный», «дикий» показывает мрачную, бедную, истощенную природу, которая созвучна «старости» китайцев. Таким образом, природа и человек в китайских главах перекликаются друг с другом и образуют единство.

С нашей точки зрения, кульминация китайских глав состоит в описании Тайпинского восстания. До того, как писатель добрался до Шанхая, он несколько раз упоминает мятежную и нестабильную ситуацию в Китае: «А у китайцев суматоха, беспорядок. Инсургенты в городе, войска стоят лагерем вокруг...» (398), «В Китае мятеж...» (400), «...Шанхай заперт, в него нельзя попасть: инсургенты не пускают. Они дрались с войсками – наши видели» (400 – 401). Конфликт между Китаем и Европой обостряется при описании народного восстания: писатель начинает критиковать жесткую политику, которую Англия вела в Китае. После этой кульминации китайские главы подходят к концу.

Двойной композиционный ряд также наблюдается в китайских главах: в главе первой было замечено, что словесные портреты и характеристики в главе «Шанхай» приобретают более положительный оттенок.

В главе «Шанхай» писателю удалось глубоко проникнуться жизнью китайцев, описание которых является образным, живым, своеобразным и внимательным. Для описания общей картины писатель использует такое выражение как «местный колорит» (413): «полная картина китайского народонаселения без всяких прикрас, в натуре» (416). Таким образом, писатель демонстрирует характеристику изображения китайцев. Это описание местного колорита представляет собой значительную особенность композиции главы «Шанхай».

Другой особенностью главы «Шанхай» является лирическое отступление

(рассуждения): «Этому народу суждено играть большую роль в торговле, а может быть и не в одной торговле» (397), «Из этого очерка одного из пяти открытых англичанам портов вы никак не заключите, какую блистательную роль играет теперь, и будет играть еще со временем, Шанхай! И в настоящее время он в здешних морях затмил колоссальными цифрами своих торговых оборотов Гонконг, Кантон, Сидней и занял первое место после Калькутты, или Калькатты, как ее называют англичане. <...> Во всяком случае решение дела оставлено до конца войны, а конца войны не предвидится, судя по началу; по крайней мере шанхайская война скоро не кончится...» (431–435) и др. Писатель рассуждает об истории и будущем Шанхая, которое придает китайским главам динамичный характер.

Однако в главе «Гонконг» описание китайцев является не таким внимательным, как в главе «Шанхай» — здесь нет лирических отступлений. Нельзя не согласиться с Дiao Шаохуа в том, что главы «Гонконг» и «Шанхай» сильно отличаются друг от друга: в основе описания главы «Гонконг» лежат случайные и несведенные в систему наблюдения; а изображение главы «Шанхай» более подробно и во многом проницательно¹¹⁸. Такое отличие объясняется тем, что писатель пребывал в Гонконге на очень длительное время, не более недели.

§3. Сопоставление японских и китайских глав

Две японские и две китайские главы располагаются отдельно в соответствии с ходом путешествия Гончарова и русской эскадры. Писатель намеренно прибегает к этому приему в целях создания целостной и единой композиции очерков.

Главные образы и мотивы объединяют отдельные японские и китайские главы в «мир Японии» и «мир Китая». Японские и китайские главы, выступая необходимой составной частью Земной Вселенной Гончарова, связываются друг с другом и с остальными главами очерков, играют в композиционного

¹¹⁸ См.: Дiao Шаохуа. И. А. Гончаров и Китай.

единстве очерков важную роль.

Однако, следует заключить, что японские главы в гончаровской Вселенной занимают более важное место, чем китайские главы. Можно назвать японские главы вершиной всех очерков «Фрегат "Паллада"». Писатель проявляет больше интереса к Японии, чем к Китаю, обращает больше внимания на японцев, чем китайцев. Японские главы предстают более оригинальными, значимыми, чем китайские.

Воспринимая английскую главу как тезис, главу мыса Доброй надежды как антитезис в первом томе, можно заключить, что японские главы во втором томе рассматриваются как новый тезис, глава Манилы — как антитезис; сибирские главы — как синтез всех очерков. Следует присовокупить главу «Гонконг» первого тома к главе мыса Доброй надежды (антитезис), главу «Шанхай» поместить между японскими главами (новый тезис) и главой Манилы (новый антитезис).

«Восточные главы» в основном располагаются во втором томе и занимают большую часть объема очерков. Как мы говорили в первой главе, писатель постепенно осознает, что Япония и Китай — это крайний Восток, для восприятия которого нужно отречься от европейской логики. Это и обуславливает такое расположение «восточных» глав. Более того, мы видим причину такой структуры в том, что писатель уделяет особое внимание, придает значение «восточным» главам и стремится обратить взгляд читателей на них. «Восточные» главы соседствуют с главами Сингапура, островов Бонин-Сима, Ликейских островов и Манилы. Такая структура помогает читателю лучше понять китайцев и японцев на основе сравнения с другими нациями.

В японских и китайских главах обнаруживается существенный композиционный принцип: человек и жизнь народа находится в центре внимания и описания писателя. Важным композиционным принципом японских и китайских глав также является сосуществование человека и

природы (космос). Для японских глава характерно проникновение в них образа России, а в китайских главах — образа европейцев и темы колониализма.

Общими особенностями композиции очерков в японских и китайских главах служат двойной композиционный ряд и лирическое отступление (рассуждение). В том числе размышление писателя о судьбах Японии и Китая придает японским и китайским главам динамический характер. Но следует сказать, что эти особенности композиции являются более яркими и глубокими в японских главах. Описание пейзажа проникает в первую японскую главу, но отсутствует во второй и сосредоточено в начале китайских глав.

Заключение

Анализ японских и китайских глав в очерках «Фрегат "Паллада"» Гончарова подтвердил распространенную среди литературоведов точку зрения о том, что концепция стадийности Гончарова является основополагающей в рамках очерков. Сущность словесных портретов и характеристик сводится к этой концепции: возрастной характер для японцев — это комплекс «детскости» (Пробуждения) и «старости» (Сна). Несмотря на то, что японцы находятся на стадии застоя, живут в неподвижности и сонном состоянии, все же в них содержится потенциал дальнейшего развития и изменений в лучшую сторону. В отличие от японцев, возрастная категория для китайцев — это «старость» (Сон). Китай — древнейшая цивилизация, и ее потомки находятся на стадии гораздо более глубокого упадка, чем японцы. Китайцам труднее подойти к новому этапу развития.

К таким возрастным категориям принадлежит ряд важных характеристик японцев и китайцев. Бедность, строгое соблюдение закона, уважение и подчинение младших старшим может служить доказательством «старости» японцев. «Детскость» и «старость» японцев делит их на две группы: группа, представляющая прогрессивную силу Японии и группа, представляющая застойную силу Японии. Словесные портреты и характеристики первой группы являются положительными, а словесные портреты и характеристики второй — отрицательными. В целом образы обеих групп можно считать объективными.

Описываемые Гончаровым бедность, зависимость народа и страны, антисанитария, устаревшая рутинная консервативная научная традиция в Китае является доказательством «старости» китайцев. В целом можно считать, что словесные портреты и характеристики китайцев отрицательные.

Кроме вышеперечисленных характеристик японцев и китайцев, писатель также обратил внимание на женские портреты. Изображение писателем

японцев и китайцев изменяется в течение японских и китайских глав. Чем писатель проводит больше время на Востоке, тем лучше и подробнее он описывает жизнь Китая и Японии.

Как уже было отмечено во введении, одной из особенностей «литературного путешествия» является комплекс реального и воображаемого. Соответственно, эта черта жанра также присутствует в очерках путешествия «Фрегат "Паллада"» Гончарова. Описание реальной жизни разных народов и национальностей сочетается в очерках с воображениями и рассуждениями автора. Можно сделать вывод о том, что словесные портреты и характеристики японцев и китайцев состоят из реального и воображаемого. Более того, можно рассмотреть лирическое отступление (рассуждения) как один из важных композиционных принципов японских и китайских глав, при этом лирическое отступление (особенно рассуждения о судьбах Японии и Китая) придает японским и китайским главам динамический характер.

В очерках наблюдаются другие важные композиционные особенности. Во-первых, описание человека и жизни народа находится в центре внимания писателя. Во-вторых, описание человека объединяется с описанием природы (космоса). В Земной Вселенной Гончарова они составляют развивающуюся картину мира очерков «Фрегат "Паллада"». В-третьих, в японские главы проникает образ России, в китайские главы — образ европейцев.

Расположение «восточных» глав в очерках «Фрегат "Паллада"» обусловлено тем, что писатель придает этим главам особое значение. Такая архитектура помогает читателям лучше понять японцев и китайцев, намекая, что для того, чтобы понять Японию и Китай, нужно отступить от европейской логики.

Несмотря на то, что две японские главы и две китайские главы расположены в очерках отдельно, они объединяются в единый «мир Японии» и «мир Китая». Писатель намеренно использует этот прием в целях создания единой композиции очерков путешествия «Фрегат "Паллада"». Два «мира»

занимают органичное место в гончаровской Вселенной, они тесно связаны между собой и с другими главами очерков. Стоит отметить, что больше внимания и интереса писатель проявляет к японским главам, которые можно считать вершиной очерков. В рамках этих глав Гончаров выступил в качестве первооткрывателя. «Мир Японии» в очерках Гончарова предстает оригинальным, уникальным и художественно-совершенным.

Несмотря на то, что писатель неправильно понял суть Тайпинского восстания в Китае того времени, словесные портреты и характеристики инсургентов имеют уникальное и важное для исследования значение. Описание крестьянского народного восстания также является кульминацией китайских глав.

Наконец, любопытным представляется то, что Гончаров оказался весьма прозорливым писателем. Многие, что он сказал о японцах и китайцах, подтвердилось ходом истории. Перспектива данного диссертационного исследования заключается в изучении других «восточных» глав, которым в литературоведении практически не уделяется внимание. Исследование этих глав также поможет подробнее и лучше изучить японские и китайские главы.

Список использованной и цитируемой литературы

Источники

1. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / редкол.: В. А. Туниманов (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 746 с.
2. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / редкол.: В. А. Туниманов (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. 846 с.

Научная и критическая литература

3. *Алпатов В. М.* Два писателя — два взгляда на Японию // Восточный архив. 2005. № 13. С. 59–64.
4. *Белкин Д. И.* И. А. Гончаров о странах и народах Востока (К характеристике ориентальной концепции писателя) // Народы Азии и Африки. 1978. № 3. С. 126–135.
5. *Быков В.* Гончаров-путешественник // Природа и люди. 1912. № 33. С. 515–519.
6. *Ван Лицзю.* Образы Китая и Японии в художественной концепции «Фрегата "Паллада"» И. А. Гончарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 27 с.
7. *Васильева С. А.* Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 18 с.
8. *вич. [Кеневич В. Ф.]* «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. (Из путевых записок)» И. Гончарова. СПб., 1855 // Библиотека для чтения. 1856. Т. 135, № 2. С. 25–44.
9. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852-1855 // Морской сборник. 1856. № 10. С. 22–104.
10. *Генис А.* Гончаров о японцах и японцы о Гончарове // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 451–453.
11. *Горенштейн М. С.* К вопросу о роли кругосветного плавания и

путевых очерков «Фрегат "Паллада"» в творческой биографии И. А. Гончарова // Материалы юбилейной гончаровской конференции / под. ред. П. С. Бейсова (отв. ред.) и М. Х. Валкина. Ульяновск, 1963. С. 121–176.

12. *Горенштейн М. С.* Путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1955. 22 с.

13. *Гродецкая А. Г.* Автоирония у Гончарова // *Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова* / отв. ред. А. Г. Гродецкая. СПб., 2008. С. 532–544.

14. *Гуськов С. Н.* Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат "Паллада"» // *Литература в школе*. 2003. № 5. С. 9–14.

15. *Дановский А.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова — очерковая эпопея путешествия // *Литературная учеба*. 2004. № 5. С. 95–104.

16. *Де-Пуле М. Ф.* «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова. СПб., 1858, 2 тома // *Атеней*. 1858. Ч. 6. № 44. С. 1–16.

17. *Державин Н. С.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: Литературный очерк. Пг.: Начатки знаний, 1923. 55 с.

18. *Диао Шаохуа.* И. А. Гончаров и Китай // *И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова* / отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск, 1994. С. 67–76.

19. *Добролюбов Н. А.* «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова // *Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы*, 1962. Т. 3. С. 159–161.

20. *Дружинин А. В.* «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»: Из путевых заметок И. Гончарова. СПб., 1855 // *Современник*. 1856. № 1. С. 1–26.

21. *Дудышкин С. С.* Из путешествия г. Гончарова: «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». «Из Якутска». «Атлантический океан».

«Остров Мадера». «Ликейские острова и Манила» // Отечественные записки. 1856. № 1. С. 35–50.

22. *Евгеньев-Максимов В. Е.* И. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. М.: Государственное издательство, 1925. 168 с.

23. *Ермолаева Н. Л.* «И блеск, и тень, и говор волн...» (Человек и море в очерках путешествия И. А. Гончарова на фрегате «Паллада») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2011. Вып. 1. С. 37–47.

24. *И. Л. [Льховский И. И.]* «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова, в двух томах. СПб., 1858 // Библиотека для чтения. 1858. Т. 150. № 7. С. 1–11.

25. *Истомина Е. П.* Мотив границы в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2008. С. 66–71.

26. *Козубовская Г. П., Борисова Т. М.* Путешествие на Восток в романе И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Филологический анализ текста. Барнаул, 2004. Вып. 5. С. 3–20.

27. *Колесова Е. В., Ковтун А. В.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова как источник по истории Японии середины XIX в. // Актуальные проблемы истории в отечественной и зарубежной историографии: Материалы VII Тарасовских чтений 14 мая 2004 г. / отв. ред. А. Г. Бахтин; Марийский государственный педагогический институт имени Н. К. Крупской. Йошкар-Ола, 2006. С. 25–28.

28. *Краснощекова Е. А.* И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.

29. *Краснощекова Е. А.* «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Acta Slavica Japonica. Sapporo, 1993. Т. 11. P. 106–125.

30. *Краснощекова Е. А.* «Фрегат "Паллада"» и «Обломов»

(Взаимовлияния) // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991 / hg. von P. Thiergen. Köln, 1994. С. 305–318.

31. Краснощекова Е. А. «Фрегат "Паллада"»: «путешествие» как жанр (Н. М. Карамзин и И. А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4. С. 12–31.

32. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 5–22.

33. Лоциц Ю. Гончаров // Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1986. Вып. 9 (573). 367 с.

34. Ляцкий Е. А. Гончаров на фрегате «Паллада» (Главы из книги о Гончарове) // Огни. Пг., 1916. Книга 1. С. 230–259.

35. Максимов В. В. Тип повествователя во «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова: (Глава «От Кронштадта до мыса Лизарда») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1990. Вып. 16. С. 111–119.

36. Мельник В. И. Незабываемая «Паллада» // Дальний Восток. 1984. № 8. С. 131–137.

37. Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991 / hg. von P. Thiergen. Köln, 1994. С. 93–103.

38. Михельсон В. А. Гуманизм И. А. Гончарова и колониальный вопрос / науч. ред. Н. И. Самохвалов. Краснодар: [б. и.], 1965. 283 с.

39. Михельсон В. А. Закованные берега: Этюды о «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова // Морская тема в литературе. Труды Кубанского государственного университета. Краснодар, 1965. Вып. 55. С. 24–56.

40. Михельсон В. А. Об идейном содержании и композиции очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» (глава «Атлантический океан и остров Мадера») // Русская и зарубежная литература: статьи и материалы.

Краснодар, 1961. С. 119–145.

41. *Михельсон В. А.* Просветительские взгляды и гуманизм И. А. Гончарова («Русские в Японии», очерк первый) // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар, 1963. Вып. 36. Вопросы русской и зарубежной литературы. С. 141–181.

42. *Муравейский С. Д.* И. А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада» // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М., 1949. С. 3–60.

43. *Накамура Е. И.* А. Гончаров у японцев // Литература и искусство в системе культуры: Сборник / Академия Наук СССР, Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1988. С. 411–420.

44. *Недзвецкий В. А.* «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2. С. 43–55.

45. *Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за октябрь 1855 года // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / ред. тома В. Е. Евгеньева-Максимова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 9. С. 332–352.

46. *Ониси Икуо.* Другая «увертюра» — «Ликейские острова» как увертюра «Фрегата "Паллады"» // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов / сост. И. В. Смирнова, А. В. Лобкарева, Е. Б. Клевогина, И. О. Маршалова. Ульяновск, 2012. С. 213–218.

47. *Орнатская Т. И.* История создания «Фрегат "Паллада"» // И. А. Гончаров Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. / изд. подгот. Т. И. Орнатская; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л., 1986. С. 763–787.

48. *Отрадин М. В.* «Манила» на пути автора «Фрегата "Паллада"» //

Русская литература. 2016. № 4. С. 89–94.

49. *Отрадин М. В.* Между «созерцанием» и «действием»: повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. Т. 13. С. 469–476.

50. *Отрадин М. В.* «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников / под науч. ред. А. А. Карпова. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 328 с.

51. *Отрадин М. В.* Примечания // Энгельгардт Б. М. Избранные труды. СПб., 1995. С. 318–321.

52. *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1994. 168с.

53. *Отрадин М. В.* Широкий диапазон смыслов (повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"») // *Varietas delectans*: Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева / редкол.: А. Х. Гирфанова и др. СПб., 2012. С. 370–379.

54. *Пиксанов Н. К.* Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции / под. ред. П. С. Бейсова (отв. ред.) и М. Х. Валкина. Ульяновск, 1963. С. 23–53.

55. *Писарев Д. И.* «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова. В двух томах. СПб., 1858 // *Рассвет*. 1859. Т. 1. № 2. С. 68–71.

56. *Покатилова Н. В.* «Фрегат "Паллада"» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840-1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 207 с.

57. *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия: советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2011. 277 с.

58. *Проценко Е. Г.* Литература «путешествий» в России в 1840-1850-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.

59. *Пузырев В. Г.* Жанр очерков «Фрегат "Паллада"» и их роль в развитии дальневосточной проблематики // Проблемы жанрового многообразия русской литературы XIX века: Сборник статей / Рязанский государственный педагогический институт; отв. ред. И. П. Щерблякин. Рязань, 1976. С. 67–83.

60. *Роботи Т. А.* Литература «путешествий» // Русская проза / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л., 1926. С. 42–73.

61. *Савада К. И. А.* Гончаров глазами японцев // Ivan A. Gončarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991 / hg. von P. Thiergen. Köln, 1994. С. 125–133.

62. *Садокова А. Р.* Япония и японцы во «Фрегате "Паллада"» И. А. Гончарова // Восток в русской литературе XVIII — начале XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. С. 216–233.

63. *Соловьев Е. А.* И. А. Гончаров, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1895. 80 с.

64. *Сорочан А. Ю.* Гончаров и литература путешествий // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов / сост. И. В. Смирнова, А. В. Лобкарева, Е. Б. Клевогина, И. О. Маршалова. Ульяновск, 2012. С. 204–212.

65. *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 491 с.

66. *Цейтлин А. Г.* «Фрегат "Паллада"» // Гончаров И. А. Собрание сочинений. М.: Права, 1952. Т. 6. С. 382–391.

67. Частичка славы Российского флота и истории литературы [С профессором кафедры русской истории Санкт-Петербургского государственного университета М. В. Отрадиным беседовал А. Боев] // Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 11 (3836), 22 сентября. С. 39–43.

68. *Энгельгардт Б. М.* Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания: «Фрегат "Паллада"» // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 309–343.

69. *Юркина О. В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя (Особенности языка природоописаний в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"») // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. Сыктывкар, 2005. Вып. 6. С. 86–114.

70. *Юркина О. В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя (очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 252 с.

71. *Юркина О. В.* Образ «живого космоса» как доминанта семантико-стилистической системы очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2007. Вып. 4, Ч. 2. С. 87–91.

72. *Юркина О. В.* Становление семантики слова в языке и словоупотребление писателя: (Слово «цивилизация» в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"») // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. Сыктывкар, 2003. Вып. 5. С. 38–64.

73. *Гао Жунго.* Чжунго Ганчалофу яньцзюшилунь, вуду цзици юаньинь таньцы (Творчество Гончарова в Китае: причины непонимания). 高荣国. 中国冈察洛夫研究史论、误读及其原因探析 // Вайюй юй вайюйцзяосюе (Иностранные языки и их преподавание). 外语与外语教学.

2015. С. 86–91.

74. *Гэ Баоцюань*. Ганчалофу хэ чжунго (Гончаров и Китай). 戈宝权. 冈察洛夫和中国 // Вэньсюе пинлунь (Литературная критика). 文学评论. 1962. № 4. С. 98–110.

75. *Дин Сьян*. Ганчалофу яньцзю цзай чжунго (Изучение творчества Гончарова в Китае). 丁斯杨. 冈察洛夫研究在中国: дис. ... маг. филол. наук. Шанхай, 2005. 40 с.

76. *Дин Цзэлян*. Эго цзечу дэ цзоцзя Ганчалофу юй чжунго (Выдающийся русский писатель Гончаров о Китае) 丁则良. 俄国杰出的作家冈察洛夫与中国 // Гуанмин жибао (Ежедневная газета Гуанмин). 光明日报. 1955. № 2242. С. 3.

77. *Сюй Цзунъюань*. Лунь Ганчалофу «Хуаньцю ханхай юцзи» цзи люйио вэньсюе (О произведении И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»). 许宗元. 论冈察洛夫《环球航海游记》及旅游文学 // Бэйцзин диэр вайгоуй сюеюань сюебао (Ежемесячник Второго пекинского института иностранных языков). 北京第二外国语学院学报. 2003. № 5. С. 99–108.

78. *Хао Лина*. Ганчалофу «Баладахао саньвэйчжаньцзянь» чжун дэ чжунгосинсян яньцзю (Об образе Китая в Фрегате «Палладе» Гончарова). 郝里娜. 冈察洛夫《巴拉达号三桅战舰》中的中国形象研究: дис. ... маг. филол. наук. Пекин, 2012. 40 с.

Справочная литература

79. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1456 с.

80. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: Издательство М. О. Вольфа, 1880–1882.

81. И. А. Гончаров: Библиографический указатель (1832–2011) / сост. А. В. Романова; науч. ред. С. Н. Гуськов; библиогр. ред. А. В. Островская.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 592 с.

82. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.

83. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

84. Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

85. Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. 672 с.

86. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под. ред. В. И. Чернышева. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948–1955.